

МИКА ТАНАКА

ПО ВАШЕМУ
расписанию

18+

Любить по-русски

Мика Танака

По вашему расписанию

«Автор»

2026

Танака М.

По вашему расписанию / М. Танака — «Автор»,
2026 — (Любить по-russки)

Такеру Онда — безупречный японский руководитель, человек-механизм, для которого дисциплина важнее чувств. Его броня из успеха и контроля кажется неприступной. Однако за стальной маской доминатора скрывается одинокий вдовец, отчаянно пытающийся заполнить пустоту после смерти жены.

Содержание

ГЛАВА I	5
ГЛАВА II	9
ГЛАВА III	14
ГЛАВА IV	18
ГЛАВА V	23
ГЛАВА VI	30
ГЛАВА VII	38
ГЛАВА VIII	42
ГЛАВА IX	47
ГЛАВА X	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Мика Танака

По вашему расписанию

ГЛАВА I

Дождь в тот вечер шёл тихо, будто боялся потревожить старый деревянный дом на окраине города. Капли падали с дряхлой крыши, тонко звенели в жестяном ведре у крыльца, и весь мир за бумажными перегородками казался размытым, акварельным, словно нарисованным чьей-то дрогнувшей рукой.

Такеру сидел у самого входа, поджав босые ноги, и смотрел, как по садовым камням бегут ручейки. Ему было, может быть, шесть, может, семь — в том возрасте дни ещё не складываются в годы, а живут каждый сам по себе: длинный, полный запахов, шорохов и голосов. А зрелость где-то. По ощущениям на вершине горы Фудзи, куда он сможет взобраться совсем нескоро.

За его спиной закипал чайник. В комнате пахло сырым деревом с примесью аромата чая. И чем-то ещё. Тёплым, неуловимым — тем самым запахом дома, который спустя годы невозможно забыть до конца жизни.

— Ты опять считаешь капли? — с наигранной деловитостью спросил дедушка.

Голос у него был негромкий, но это был один из тех голосов, которым и не нужно становиться громче, чтобы быть услышанным. Он сидел у низкого столика, склонившись над чашкой. Свет старой лампы ложился на его руки — большие, с выступающими венами. Видавшие жизнь руки человека, который слишком многое ими держал и слишком многое отпустил. Выдернув себя из пучины воспоминаний, старец недовольно кряхтя, поднялся и поковылял в сторону чайника.

Такеру не обернулся. Он нахмурился, будто занят был делом повышенной важности.

— Они всё время сбиваются, — недовольно ответил мальчонка. — Я дохожу до тридцати, а потом начинается слишком быстро. И сложно считать.

Дедушка тихо усмехнулся, разливая кипяток по чашкам.

— Так всегда бывает. Пока ты пытаешься всё сосчитать, жизнь начинает идти быстрее.

Такеру повернул к нему лицо. В его глазах, тёмных и внимательных, уже тогда было что-то взрослое — не знание устройства мироздания, конечно, а настороженность, будто он заранее чувствовал: мир не всегда будет таким тихим и предсказуемым, как этот дождливый вечер в доме у деда. Завтра всё переменится. И снова выглянет солнце.

— А если не считать? — спросил он.

Дедушка помолчал, глядя в сторону сада, на мокрую сливу у забора, на зыбкое отражение фонаря в лужах.

— Тогда нужно просто запоминать, — сказал он наконец. — Не дни. Моменты. Как пахнет дождь. Как шумит ветер. Кто рядом с тобой в этот вечер. Остальное всё равно уходит. Иди сюда. Будем пить чай.

Он поманил мальчика сухой рукой к себе. Такеру послушно кивнул и поднялся, направляясь к котацу, за которым сидел дедушка. Тот протянул Такеру чашку с чаем, разбавленным прохладной водой — почти без горечи. Мальчик взял её обеими руками и сделал осторожный глоток. Чай был тёплым, странно взрослым на вкус, и от него по телу разливалось спокойствие. Дедушка никогда не пил сладкий чай. Может поэтому и было это странное чувство?

Снаружи качнулась ветка, и несколько капель сорвались вниз разом.

— Дедушка, — тихо позвал Такеру. — А когда я вырасту, каким я буду?

Старик смотрел на него долго, с той печалью сквозь улыбку, которая бывает только у тех, кто уже познал цену памяти.

— Забудешь кое-что, — ответил он честно. — Забудешь дедов дом частично. Цвет занавесок. Где именно скрипит половица. Сколько чашек стояло на полке. Но если очень повезет, ты не забудешь, что чувствовал здесь.

Такеру опустил глаза. Куда-то ниже уровня своей чашки.

— А если не повезёт?

Дедушка протянул руку и легко коснулся его макушки.

— Тогда однажды что-нибудь совсем простое вернёт тебе всё обратно. Запах дождя. Свист чайника. Утро, похожее на другое, что было много лет назад.

Он говорил спокойно, без торжества, как говорят о самых важных вещах люди, которым не нужно украшать правду лишними красноречивыми словами.

Позже, когда стало совсем темно и сад исчез за матовой тьмой, дедушка вынес на веранду старое шерстяное покрывало. Они сидели рядом, укрыв колени, и слушали, как дождь то стихает, то временами усиливается. Такеру прислонился виском к его плечу. Ткань дедушкиного кимоно неизменно пахла дымом сигарет, чаем и холодным уличным воздухом.

В ту ночь ему казалось, что дедушка знает ответы на все вопросы — почему люди уходят, почему сердце иногда болит без причины, почему даже счастливые вечера становятся грустными, едва ли ты сам понимаешь, что они не могут длиться вечно.

Он не заметил, как задремал.

Уже сквозь сон он почувствовал, как дедушка поправляет на нём покрывало, и услышал совсем близко, почти над ухом его тихий голос:

— Не бойся завтрашнего дня, Такеру. Когда он придёт, просто встань и сделай то, что должен. Этого всегда достаточно для начала.

* * *

Будильник зазвонил в полутьмах так резко, словно кто-то беспардонно дёрнул тонкую нить между прошлым и настоящим.

Такеру открыл глаза и несколько секунд не двигался. Потолок над ним был белым, гладким, чужим своей городской ровностью. И невероятно тяжёлым. За окном не было ни сада, ни старой сливы, ни дождя над деревянной крышей — только раннее утро, сероватое и холодное, и далёкий шум первых машин.

Он лежал на спине, прислушиваясь к собственному дыханию, и вдруг ясно почувствовал тот самый запах — не настоящий, конечно, а вызванный памятью: мокрое дерево, запах сигарет, чай, вечерний дождь. Сон отступал медленно, оставляя на сердце тонкую, почти болезненную теплоту. Такеру искренне улыбнулся. Редко он позволяет себе быть настолько беззащитным перед внешним миром.

Сегодня был его первый рабочий день в чужой стране.

Эта мысль, ещё вчера казавшаяся обычным мирским пустяком, сейчас нависала тяжёлым грузом. Не страх. Скорее ощущение порога. Как будто до этого утра жизнь была чередой подготовок, случайных подработок, экзаменов, обещаний самому себе, а вот сегодня должна была начаться всерьёз.

Он сел на кровати и потёр ладонями лицо. Ладони его были мягкими, а лицо ещё не затронула старость, медленно подкрадывающаяся издалека. На стуле у стены уже висела отглаженная рубашка, рядом — тёмные брюки, пиджак, который он примерял вечером дважды, убедившись, что тот сидит как надо. На полу аккуратно стояли новые туфли; кожа на них была ещё слишком жёсткой, слишком блестящей. Не успел разносить.

На просторной кухне электрический чайник щёлкнул, и этот сухой, короткий звук почему-то отозвался в нём сильнее, чем должен был. Такеру замер, держа в руках кружку, и на мгновение увидел не свою съёмную квартиру, а низкий столик, лампу, дедушкины руки, дождь за перегородкой.

«Что-нибудь совсем простое вернёт тебе всё обратно».

Он выдохнул и невольно улыбнулся — едва заметно, только уголком губ.

— Доброе утро, — сказал он вслух, не зная, кому именно: себе, пустой комнате или тому далёкому вечеру, когда жизнь была понятной и такой безмятежной.

Он позавтракал почти без аппетита, слишком сосредоточенный на времени, оставляя на плите две нетронутые порции омурайса. Несколько раз проверил телефон. Перечитал сообщение от отдела кадров, хотя уже выучил его наизусть. Бросил взгляд на настенные часы. Потом на наручные, чтобы свериться. Всё чётко. Минута к минуте, секунда к секунде. Время оде-

ваться. Узел галстука получился не сразу; пальцы слушались не так уверенно, как хотелось бы. Пришлось перевязать ещё раз. Чтобы наверняка.

Перед зеркалом в прихожей стоял уже не мальчик в клетчатой рубашке и коротких бежевых шортиках, а молодой мужчина с аккуратно уложенными цвета смолы волосами, внимательным взглядом и той самой настороженной серьёзностью, что сопровождала его, кажется, всю жизнь. Но в глубине этого взгляда жило что-то прежнее — тихое упрямство ребёнка, пытавшегося пересчитать дождевые капли.

Такеру поправил воротник, расправил плечи и на секунду задержал ладонь на дверной ручке.

Мир снаружи ожидал его равнодушно и неизбежно: утренние пробки, незнакомые лица, яркий свет офиса, вежливые приветствия, первое неловкое «рад знакомству», первые ошибки, первый вечер усталости. Всё это впереди.

Он прикрыл глаза.

И будто издалека, сквозь годы, услышал спокойный голос:

«Не бойся завтрашнего дня».

Такеру открыл дверь.

Утренний воздух коснулся его лица — прохладный, влажный. Ночью, видимо, шёл дождь. Асфальт всё ещё был тёмным у подъезда, и где-то с карниза медленно стекали последние капли «небесных слёз».

Он вышел на улицу, и, не оглядываясь, направился к своему автомобилю.

Жизнь, которую невозможно сосчитать, началась.

ГЛАВА II

Санкт-Петербург встретил Такеру холодным майским дождём в офисе здания «Ниппон-Нева Технолоджис». Совместное российско-японское предприятие в сфере высокотехнологичного промышленного инжиниринга или энергетического машиностроения. Он стоял у панорамного окна своего нового кабинета на Невском проспекте. Руки за спиной, глядел на спокойные серые воды канала, и думал о том, что этот город похож на его душу — величественный, но печальный. Его костюм был безупречен, а осанка напоминала натянутую струну. В свои сорок он выглядел человеком, который не прощает ошибок ни себе, ни окружающим.

Вдовец. Поглощающий траур, как самый верный жизненный спутник. И одна матрёшка, что была единственной сакральной вещью во всей этой беспроглядной тьме. Чем-то, вроде семейной реликвии. То, что он позволял себе держать в руках перед тем, как лечь спать. В такие моменты вспоминал деда. Не было ни дня, как он не вспомнил его рассказ. Тот самый, что оставил неизгладимое впечатление на всю оставшуюся жизнь. О двух нелёгких судьбах людей, что никогда не были близки культурно. Но нашли утешение друг в друге на зло всем культурным барьерам.

Такеру Онда вырос человеком порядка. Таким, каким его пожелали видеть родители. В его жизни всё было разложено по полочкам: работа, семья, воспоминания. Он не верил в случайности. Каждый шаг был рассчитан, каждое решение взвешено. Когда его жена Акеми умерла пять лет назад, он не позволил себе сломаться, вопреки непосильному душевному грузу. Он организовал похороны, заботился о детях, продолжал работу. Горе — это просто эмоция, которую можно контролировать, если знать как. Такеру не впервые смотрел горю в лицо. Он знал как. Он умел с ним сосуществовать. Жил ради детей, как честный человек и семьянин прежде всего. Его с женой связывала глубокая взаимосвязь и бесконечное взаимопочтение. Они читали друг друга, как открытую книгу. Этот брак был настоящим благословением для Такеру. Как два солдата в поле, они несли караул вместе днём и ночью. Несмотря на свою врождённую хрупкость, Акеми была завидной женой и заботливой матерью. В ней до самого последнего дня искрилась неуёмная энергия, которую она с лихвой тратила на самых родных людей. И муж знал, что тыл его надёжно прикрыт, пока рядом та, в ком он безгранично уверен, как в самом себе.

Иногда, пока никто не видел, он доставал матрёшку и смотрел на её расписное лицо, вспоминая рассказы бабушки о белокурой медсестре Вере — той, что спасла его от смерти в советских лагерях. Эта история была семейной легендой, рассказанной ему дедом в детстве, когда старик прижимал ту самую матрёшку к груди и слушал советскую пластинку с надрывным и столь сентиментальным мотивом. Такеру не знал тогда о чём поётся в песне. Но когда он начал изучать русский язык, то вспомнил, как хор из женских голосов оставил на его душе след, смешанных, ранее незнакомых чувств. Это было что-то, чего он никогда не испытывал. Даже будучи человеком женатым прежде.

«Сердцу хочется ласковой песни. И хорошей, большой любви».

И ему хотелось. Тоже.

«Такеру, — говорил дед, — настоящая любовь приходит один раз в жизни. Иногда она приходит слишком поздно, иногда её отнимают. Но если ты встретишь её — не отпускай.»

Дед так и не отпустил воспоминание о Вере. Он хранил матрёшку, которую та подарила ему перед репатриацией, и слушал советскую музыку, пока не умер. Тихо, в одиночестве, в любимом плетёном кресле на веранде.

Такеру думал, что он уже прожил свою любовь. Акеми была достойной женщиной-компаньоном. Её уход сильно ударил по нему. Если бы не наличие детей, то он бы с лёгкостью пустился в пьянство и случайные связи. Уходила она долго, мучительно, увядая на глазах детей. Он был готов, но вот они — нет. Особенно младший сын, которому не удалось подольше пожить тёплым мамином крылышком. Мужчина ощущал бесконечные душевные метания. Его дети лишились самого важного — детства. Он уже видел лицо смерти. И не желал, чтобы его дети встретились с ним так рано. Не мог позволить себе равнозначно разделяться на роль матери и отца. Ведь где-то что-то да упустит. Выбрал одну сторону, считая её самым точным выбором. Понимал, что нужна дисциплина и жёсткость, чтобы всё всегда было под контролем. А его отпрыски ни в чём не нуждались. Санкт-Петербург был прекрасным стартом. Уехать оттуда, где всё напоминало об Акеми и боли после столь тяжёлой утраты. Только он, его дети и помощница, которой он доверял. Родной Отару остался позади, но воспоминания отзывались щемящей ностальгической пеленой, накрывая собой его израненное сердце.

Теперь, в Санкт-Петербурге, в чужом городе, где даже дождь казался чужим, Такеру понимал, что его отправили сюда не просто так. Компания нуждалась в реорганизации филиала. Нужен был человек, который не боится принимать жёсткие решения.

Он был идеален для этой роли.

— Кондо-сан, — не оборачиваясь, произнес он по-японски. — Десять минут девятого. Почему в офисе до сих пор пахнет кофе и дешёвыми духами, а не работой?

Его помощница Йоко, стоявшая у двери с планшетом, склонила голову:

— Сотрудники только прибывают, Онда-сан. У них... иная культура тайм-менеджмента.

Такеру едва заметно сузил глаза. И что дедушка так отчаянно романтизировал в этой стране? Любил всем сердцем, но Такеру видел здесь лишь расхлябанность, которую он намерен был выжечь на корню. Подчинённые не посмеют сесть ему на шею ни при каких обстоятельствах.

— Что же. Ничего не поделаешь, — безразличным и монотонным голосом заключил мужчина. — Подождём.

В следующий раз, когда японец повернулся спиной к окну и перевёл взгляд с помощницы на часы, стрелки на них показывали уже девять утра. Первый день в офисе, а ситуация всё меньше и меньше выглядела хоть сколько-то обнадеживающей. Время показаться сотрудникам и расставить все точки над «i».

— Идём.

Онда расправил пиджак, чуть оттянул галстук и наконец покинул свой кабинет. Йоко послушно последовала за ним. К слову, о Йоко: хороша собой. Утончённая, высокая и с ладной фигурой, младше своего начальника на четыре года. Кроме того, идеально воспитанная под нужды современного японского мужчины. Такеру был ей небезразличен, именно поэтому она проделала колоссальную работу, чтобы наконец-то стать по праву оценённой самим господином. Так она практически и вошла в его жизнь, а так же жизнь его семьи. Его жена всегда была близка с Йоко. Доверяла ей, как сестре. И сама Йоко обещала ей, что позаботится о нём.

Картина, возникшая перед глазами нового руководителя, поразила. И не в самом хорошем смысле. Офис был самым настоящим хаосом. Он никак не ожидал увидеть столь разлаженную систему. В Японии бы он уже семь шкур спустил со своих сотрудников за такое наплевательское отношение к офисной культуре. Да и справедливости ради, там бы даже самой мысли побоялись о том, чтобы вести себя подобным образом.

Люди разговаривали громко, некоторые ели прямо за рабочим столом, один из молодых сотрудников и вовсе безмятежно спал головой на клавиатуре. Такеру замер на пороге и просто наблюдал. Его глаза были холодны, как январское безоблачное небо. Он сканировал каждого, заочно презирая. Но, как и любой японец, спрятал негатив за маской дежурной вежливости.

— Доброе утро, — поприветствовал он своим привычным официальным тоном.

Ноль внимания.

— Доброе утро, — повторил он громче.

Офис замер. Все макушки практически одновременно повернулись в его сторону.

— Я — Такеру Онда. Буду руководить этим филиалом. У нас много работы. Начнём с того, что вы все встанете и приведёте в порядок свои рабочие места. На это у вас есть пятнадцать минут.

Молодой сотрудник, что минутой ранее видел уже десятый сон, открыл глаза и лениво потянулся, громко зевая. Такеру шумно выдохнул через ноздри, не пытаясь скрыть своего недовольства.

— Затем, — продолжил Онда, — мне нужно встретиться с каждым из вас индивидуально. Я хочу понять, кто здесь работает, а кто просто просиживает кресло за чистый оклад. Те, кто бесцельно просиживают своё место... Господа, будьте уверены, что скоро расстанемся. От своих сотрудников я ожидаю эффективности. Чтобы это был единый, хорошо слаженный организм. Если появятся какие-то вопросы — задавайте их моей помощнице. Её зовут Йоко Кондо. Обращайтесь к ней. И только к ней. Она передаст мне всю необходимую информацию. Кто мне будет нужен — я вызову сам.

Это была не угроза. Это было обещание. Новый руководитель на фоне своих зевающих подчинённых выглядел уверенно. Настолько, что ему бы не пришло в голову извиняться за свой акцент перед исконными носителями русского языка. Даже с ним японец говорил чётко. Речь его была грамотной, правильной и хорошо поставленной. Это цена его бессонных ночей в студенчестве, когда он жадно поглощал Пушкина, Лермонтова, Толстого и Горького. Такеру

мог спокойно вести совещания без каких-либо бумажек. Именно потому что всю свою жизнь он любил книги. И даже сейчас не отказывал себе в таком удовольствии перед сном.

Народ «ожил» и начал суетиться. Кто-то стал убирать со стола остатки завтрака, кто-то наконец-то вовремя включил компьютер. Атмосфера в офисе изменилась мгновенно — из расслабленной и беспечной, она стала напряжённой и непривычно деловой.

Такеру удовлетворённо хмыкнул и вновь вернулся в кабинет, который когда-то принадлежал его предшественнице. Они учились на одном курсе в Японии. Она была единственной иностранкой, с которой у него сложились тёплые и доверительные взаимоотношения. Яночка Петровна. Он звал её так ещё будучи студентом. Ему нравилось, как интересно на языке крутились эти необычные для простого японца слоги. На рабочем столе всё ещё стояла её рамка — уже взрослая женщина в обнимку с детьми, улыбающаяся, счастливая, смотрела на него с фото своими зелёными глазами. Она ушла в декрет, вот-вот должна третьего родить. Если бы не стечение обстоятельств, Такеру бы сделал ей предложение в своё время. И тогда всё было бы по-другому. С другой же стороны, он был благодарен судьбе за то, что в его жизни были дети. Единственные, кто держали его на плаву. С престарелыми родителями Такеру близок не был никогда. Особенно в период отрочества. Сейчас и подавно. Редкие звонки. Стандартные вопросы о том, хорошо ли он и внуки питаются от матери. Полное безразличие со стороны отца. Можно сказать, принимает немое участие в их жизни. В молодости он был жутким трудоголиком. Воспитывал Такеру в строгости, граничащей с тиранией. Две старшие сестры успешно вышли замуж. Довольно рано. И всё для того, что сбежать от жизни, что никогда не была наполнена лаской и хотя бы толикой понимания со стороны самых близких и мудрых людей. Сейчас, он где-то внутри себя и сам признавал, что унаследовал эту «неприятную» черту характера от собственного отца.

Ему нужно было переваривать весь этот ужас и неорганизованность, что годами поощряла Яна. Всё это было настолько невыносимо, что он не переставал вздыхать. Хотя прекрасно помнил, насколько мягкой и доброй она была по отношению к другим. Помнится, что получила нагоняй от соседского дедушки рядом с которым снимала жильё. Не знала, что не принято здороваться с незнакомцами. И всё равно каждый день приветствовала его вопреки, с тёплой улыбкой. А дедушка, в итоге, оттаял к ней и даже загрузил, когда квартира соседки-иностранки опустела.

Такеру привычно уселся в кресло и открыл папку с информацией о сотрудниках. Перелистывал личные дела, беглым взглядом изучал характеристику. Взгляд его остановился на женщине с волосами цвета пшеницы. Он никак не выделил её среди других сотрудников. Абсолютно ровное лицо, никаких эмоций. Глаза уставшие, но в то же время в них читается то, что Такеру так ценил в людях. Он чувствовал, что эти глаза сканируют куда больше, чем кто-либо мог бы увидеть глазами. Ольга Романенко, 40 лет, мать-одиночка, растит дочь. Хорошая характеристика по работе, но ничего выдающегося. Надёжная, но незаметная. С ней можно попробовать наладить диалог, простимулировать на лучшие результаты. Она и поможет включиться в работу в новом коллективе.

Идеально.

Он тут же набрал Йоко.

— Ольга Романенко. Пригласите в мой кабинет, — сказал он.

Ответ был дан практически сразу:

— Она сейчас подойдёт.

ГЛАВА III

— Оля, ты закончила вчерашний перевод?

— Погоди. Сейчас доем.

— С ума сошла, что ли? Хочешь его снова из себя вывести? Вон его цепная чихуашка блюдёт за всеми как. Не рабочая среда, а тюрьма. Ей Богу вот! Настоящая тюрьма! — не уни-малась рыжеволосая гламурная Наташа.

В этом офисе никогда не было организованности. Всё потому что начальница была не от мира сего. Позволяла своим подчинённым слишком много. Тем самым каждый работник был разбалован не в меру. Но вот настал момент, когда больше не спрячешься за спиной Яночки Петровны. «Офисные планктоны» давно уж начали судачить на тему того, кого же пошлёт им Господь Бог после незаменимой и любимой молоденькой Петровны, с которой жизнь была не просто малиной, а настоящим праздником. Женская половина коллектива начала переживать о том, что новое начальство больше не позволит им уйти пораньше. Кому-то хотелось просто слинять побыстрее без особой на то причины, кто-то бежал за ребёнком в садик, а кто-то торопился на очередное свидание. У каждой жизнь кипела по-своему. Только Такеру не был готов мириться перед капризом каждой.

— А ты ничего не слышала от другого отдела за этого дьявола?

— Не-а. Да как-то и без надобности, — пробубнила Ольга, запивая остатки вкусного шоколадного пончика чаем. — Своих забот хватает.

Наташа, её коллега, возведённая с недавних пор до статуса подруги, и сама не стремилась торопиться. Ведь однокурсники и одноклассники заполнили новостную ленту интереснейшими фотографиями с отпуска. Отпуска в странах, о которых Наташа могла только мечтать, если бы не набранные после развода кредиты. Импульсивные покупки всегда были её слабым местом. Рыжеволосая мечтательница с лёгкой тоской просматривала каждое обновление, погружаясь в монотонное и бесконечное свапанье. Зависть? Ещё какая. Ведь она снимает недешёвую квартиру. И просто не может позволить себе так легко слетать в Таиланд на недельку. А вот нашёлся бы какой-нибудь щедрый ухажёр... Впрочем, подобные идеи всегда заканчивались для Наташи печально. Она вынуждала Олю принимать на себя роль, если не собутыльницы, то хотя бы свободных ушей. Других у неё в наличии просто не было. А поженски высказаться хотелось.

— Мне вот кажется, что это начало конца, — задумалась Наташа, не переставая омрачать себя счастливыми лицами знакомых. — То ли нас будут сливать, то ли ужимать, то ли...

— Натусик, давай без этих панических настроений. Мне ведь надо как-то Маргошу содержать.

Маргарита, Рита или же просто Маргоша для всех — дочь Ольги. Когда-то Ольга была уверена, что встретила надёжного мужчину на своём жизненном пути. Ложное чувство защищённости захватило женское сердце в плен. Долго добивался, ухаживал. Ожидаемо, она ослабила оборону перед уже бывшим мужем. Не даром говорят, что жизнь женщины похожа на сказку «Золушка». Только вот от чего она ушла, к тому и возвращалась после бала. Всякое уважение и взаимопонимание с Андреем было утеряно ровно после того, как отгремел звук печати штампа в их паспортах. Вся эта история начиналась постепенно. Андрею не понрави-

лась бытовая жизнь обычных среднестатистических супругов. Он думал, что брак будет похож на праздник длиною в вечность. И дома всегда будет чисто, а жена всегда будет нарядная и с хорошим настроением. Стоило Ольге забеременеть, как он перестал воспринимать её, как женщину. Она потеряла для него всю привлекательность. Для него Оля была привлекательной исключительно при макияже и стройной фигуре. Где угодно: на работе, в клубе, в доме у общих друзей. В нарядной одежде, с огромным слоем тонального крема на лице, но только не послушной женой с ребёнком на руках. Ведь, как ему показалось, свою красоту она утратила, сливаясь с однообразной серой массой. Не обошло стороной и полное игнорирование проблемы постродовой депрессии у супруги. Этот брак был обречён довольно быстро, как оказалось. А сам Андрей быстро начал находить ей замену на стороне. Каждый раз новую.

Йоко «нарисовалась» возле их столов, как гром среди ясного неба. Нависла над женщинами, словно робот, сканируя их на любое несоответствующее телодвижение. На столе у Ольги в зоне видимости оказалось несколько крошек, на что непременно обратила внимание щепетильная к порядку японка.

— Вас ожидает господин Онда.

Ольга, конечно же, заранее не пыталась тешить себя тем, что японская надсмотрщица пришла по душу Наташи. Та лишь сочувствующе пожала плечами, демонстративно отворачиваясь в сторону своего ноутбука. Началась бурная имитация рабочей деятельности.

В сопровождении Йоко, Ольга вошла в кабинет, не постучав по привычке. Это было ошибкой.

— В следующий раз стучите, — ровным голосом сказал Такеру, не отрывая взгляд от документов.

— Извините, — ответила она тихо, но уверенно.

Такеру поднял глаза. Перед ним стояла женщина среднего роста, с волосами цвета пшеницы, не собранными в причёску, а аккуратно уложенными. Её лицо было приятным, но не примечательным. Глаза серые, спокойные. Она носила простой светло-серый костюм и чёрные туфли. Ничего лишнего. И эмоций себе лишних не позволяла, как и слов, в общем-то.

— Садитесь, — указал он в сторону кресла.

Она послушно села, сложив руки на коленях.

— Вы будете моей помощницей и координатором отдела. Моей землячке нужно будет время, чтобы вникнуть во всю эту внутреннюю «кухню». А пока что ваша задача — убедиться, что все работают эффективно. Я нацелен на удовлетворяющие мои критерии результаты. Если я не буду доволен — вы ответите за это. На вашей основной работе это никак не должно отразиться. Я по-прежнему ожидаю перевод документов и чертежей. К слову, он уже должен был лежать у меня на столе. Ровно в девять утра. Поторопитесь.

— Хорошо, — сказала Ольга.

Такеру ждал, что она скажет что-то ещё, но она молчала.

— У вас есть вопросы?

— Нет.

— Вы уверены?

— Да.

Он смотрел на неё с добрых несколько секунд. Что-то в её молчании его раздражало. Или, может быть, его раздражало то, что недостаточно взвинтила его своей немногословностью. Женщины от природы своей болтливы. А она же напротив — была слишком скупа на слова.

— Хорошо. Вы можете идти.

Романенко молча встала и направилась к двери. А он, словно хищник, провожал её своим тяжёлым взглядом.

— Ольга.

Она остановилась. Такая дерзость разожгла в Такеру нездоровый азарт. Он решил зайти дальше.

— Завтра с утра подготовьте мне подробный отчёт о том, как прошла работа каждого сотрудника за прошедший день.

— Хорошо, — ответила она и наконец-то вышла из «душного» кабинета нового руководителя.

Такеру остался один, слушая, как её шаги постепенно удаляются. Он вернулся к документам, но его внимание было рассеяно. Что-то в её спокойствии его беспокоило. Раздражение потихоньку начало сходить на нет. Невозможно, чтобы человек был настолько спокоен. Даже в Японии игра при плохой мине не может быть возведена до такого рода абсолюта. Что-то, да непременно треснет.

Ольга вернулась на своё место и сразу же почувствовала на себе заинтересованные взгляды коллег.

— Ну? — нетерпеливо спросила Наташа.

— Ну, — безэмоционально отозвалась её коллега.

Романенко ничего более не ответила. Лишь вернулась к незаконченным переводам. У неё было много работы, и сегодня она предпочитала дело разговорам. Показательно ставила благополучие Маргоши превыше всего остального. И это не могло не вызвать уважение. Каждый сотрудник знал, что она мать по призванию.

Наташа подъехала на кресле и тихонько спросила:

— Знаешь, он достаточно хорошо выглядит. Если бы не этот ледяной взгляд... Но он же японец, может, это у них так принято?"

— Не знаю, — безразлично отозвалась Ольга, продолжая монотонно постукивать пальцами по клавишам.

— Интересно, почему он переехал в Россию? Обычно японцы не любят уезжать со своего острова.

Ольга молчала. Её не интересовали личные дела начальника. Её интересовала только валюта за проделанную ею работу.

Однако, несмотря на всё, она не могла не заметить, что Такеру Онда был совсем не похож на других начальников, с которыми ей приходилось работать ещё до Яночки Петровны. Он был холоден, да, но в его холодности была какая-то честность. Он не улыбался фальшиво, не говорил пустых слов. Говорил то, что думал, и ожидал результатов. Справедливо.

Ольга уважала это качество в людях.

ГЛАВА IV

В это же самое время в Александринке, молодой японец Рёма (или Рома, как его окрестили здесь) сидел в глубине тёмного зала, подальше ото всех. На нём была черная толстовка, капюшон скрывал лицо, но не мог скрыть ауру ледяного презрения, которую он излучал. Сидел и тихонько хрумкал заказанными с Озона «Роску».

К переезду в Петербург он готовился давно. Исправно изучал русский язык, не пропуская ни одного занятия вопреки надвигающимся экзаменам. Он прилетел в северную столицу сразу же, как только получил аттестат. Прибыл с одним рюкзаком, в котором лежал дорогой ноутбук и минимум вещей. К чему лишний хлам, если есть деньги и возможность начать жизнь с чистого листа? С обновками. Жил в недешёвой новостройке Московского района. Поступил в Герцена, удалённо подрабатывал фрилансером время от времени. Именно тогда он отточил свой русский язык до идеала — не по учебникам, а из споров в чатах и общения с однокурсниками. Будучи парнем смышлённым от рождения, он довольно быстро стал «своим». Это наложило отпечаток на все те курсы, что он посещал в Японии: он говорит правильно, но иногда использовал странный сленг или слишком прямолинейные обороты. И в общей картине, он производил впечатление токсичного интеллигента.

Рёма смотрел на сцену, где ненавистная им чудачка Вика, размахивая руками, пыталась доказать руководительнице, что её героиня не может просто так поощрять одиночество подруги.

— Это нелогично! — кричала она. — Она же петербурженка, а не тряпка! С душой она! Ну как она оставит свою подругу сидеть в одиночестве, а та с ничего должна будет принять решение, что пора бы в люди выйти? Тогда зачем вообще нужны друзья в этом сюжете?

Рёма усмехнулся, не снимая капюшона.

«Опять эти русские страсти из ничего», — подумал он.

Его раздражало в Вике всё: от розового шарфика до привычки громко смеяться над собственными шутками. Но когда Таисия Юрьевна, уставшая спорить с неугомонной актрисой второго плана, утончённая и строгая, посмотрела прямо на него, Рёма невольно выпрямился.

— Рома, на сцену, — скомандовала Таисия. — Давай попробуем сцену ссоры. Итак! Друг жениха должен успокоить подругу невесты. Пробуем! И, пожалуйста, добавь в голос хоть каплю жизни. А то у меня иногда чувство, что ты нам читаешь инструктаж по безопасности.

Вика обернулась и ехидно прищурилась:

— Осторожно, Таисия Юрьевна, от его «жизни» в зале могут батареи заледенеть.

Рёма медленно поднялся, чеканя шаг. Внутри него кипело раздражение, которое в Японии он бы подавил поклоном, но здесь, в Петербурге, оно трансформировалось в холодную ярость. Парень подошёл к Вике вплотную, так что она была вынуждена задрать голову.

— Начнём? — коротко бросил он.

Слова Рёмы разрезали тишину репетиционного зала, как скальпель. Таисия Юрьевна, волевая женщина с дорогой шалью на плечах, вздрогнула, не зная, то ли восхищаться этим иностранцем, то ли побаиваться его непредсказуемости. В зале повисла та самая пауза, которую Чехов бы назвал «напряжённой», но здесь она была заряжена чистой яростью. Рёма стоял на краю сцены, засунув руки в карманы толстовки. Его лицо оставалось бесстрастным, как театральная маска. Но в глазах горел холодный огонёк интеллектуального превосходства. И так было во всём. Его либо ненавидели, либо завороченно слушали и признавали за ним право на абсолютное лидерство.

Когда Вика начала читать свой текст, Рёма лишь слегка склонил голову набок, наблюдая за ней. Ему нравилось доводить ситуацию до абсурда. В его понимании искусство, как и идеальная схема, выстроенная системой, не терпело лишнего «шума». А Вика сейчас была ходячим системным сбоем, который мешал ему наслаждаться процессом. Спасало лишь то, что в главной роли была Ксюша. Девушка, с которой Рёма продолжительное время встречался. Официально у них не было отношений, но каждый знал, что они уходят вместе. Он украдкой глянул на неё. Эффектная блондинка стояла возле портьеры и поправляла причёску, смотрясь в экран гаджета. Она заметила взгляд японца на себе и игриво закусила губу. Однозначно, приглашение, которое он обязан будет принять после репетиции.

— Ты не должна быть одна! Это измена себе! Измена закону мироздания! — пыталась входить в роль Вика, абсолютно игнорируя наличие Рёмы на сцене.

Таисия продолжала настаивать, что даже при самой железной логике, она не будет вносить изменения в сценарий. Их перепалка привлекла внимание японца. Он сделал шаг в сторону девушки, сокращая дистанцию, и в этом движении было что-то пугающе уверенное. Он был выше, и сейчас, в полумраке сцены, его тень полностью накрыла девушку. Рёма медленно стянул капюшон, открывая лицо с резкими, словно выточенными из слоновой кости чертами. Тёмные глаза смотрели на Вику сверху вниз — не с гневом, а с каким-то исследовательским безразличием, которое раздражало куда сильнее открытой злобы.

— Измена — это пафосное и ненужное слово, — произнёс он низким, ровным голосом, в котором русский текст звучал удивительно веско. — Твоя героиня не «тряпка», Воскресенская. Она просто умеет считать убытки. Но если тебе так хочется драмы...

Он сделал ещё полшага вперёд, так что между ними не осталось ни сантиметра.

— Давай. Покажи мне эту твою «петербургскую душу», которая важнее логики.

Он замер, ожидая её реплики, и краем глаза заметил, как Ксюша у портьеры перестала поправлять причёску и заинтригованно уставилась на них. Рёма почувствовал прилив холодного азарта. Ему хотелось не просто сыграть сцену, а заставить эту девчонку с розовым шарфом подавиться своим сарказмом и таким отчаянным желанием выделиться из толпы. Для него она ничего из себя толком не представляла. Так... один сплошной комок нервов.

— Давай заново, — бросил он, сузив глаза. — Я слушаю твоё «ты не должна быть одна».

— Да что ты себе позволяешь?!

Ритмичные удары её пальца в его грудь отдавались в ушах Рёмы как сбой в идеально отлаженном механизме. Каждый раз, когда её палец касался плотной ткани его толстовки, он чувствовал, как внутри закипает нечто, что уже невозможно было подавить простым японским самообладанием. Это не было частью сценария. Это была стихия, которая беспардонно врывается в его личное пространство, нарушая все границы и протоколы.

— Логика?! — голос Вики сорвался на высокую ноту, которая, казалось, заставила задрожать хрустальные подвески на старых театральных люстрах. — Ты говоришь о логике, стоя на сцене? Да ты вообще живой или тебя в этом твоём Токио на заводе по сборке калькуляторов собирали?

Рёма не отступил ни на сантиметр. Напротив, он подался вперёд, так что её очередной тычок пришёлся в уже напряжённую, как стальная пластина, грудную клетку. Его глаза, обычно пустые и холодные, внезапно вспыхнули тёмным, опасным пламенем.

— Убери руки, — процедил он, и его голос больше не напоминал «сдержанность интеллигента».

Теперь это был скрежет металла по стеклу.

— Твоя экспрессия — это лишь прикрытие для бездарности, Воскресенская. Ты не можешь сыграть глубину, поэтому просто кричишь и размахиваешь руками, как базарная торговка. Тебе не в Александринке выступать, а на вокзале семечками торговать.

— Что?! — Вика задохнулась от возмущения, и её лицо начало покрываться красными пятнами. — Ах ты, высокомерный придурок! Твоя «логика» — это просто красивое прикрытие твоей собственной пустоты! Ты боишься почувствовать хоть что-то, кроме собственного превосходства!

— Я чувствую только раздражение от того, что вынужден тратить время на твои истерики! — Рёма уже не сдерживался, его голос гремел на весь пустой зал, перекрывая даже шум дождя за окнами. — Ты хочешь «души»? Ты хочешь, чтобы я на тебя посмотрел? Смотри! Вот он я! И я вижу перед собой только избалованную девчонку, которая думает, что если она громко кричит, мир должен упасть к её ногам!

В зале воцарилась гробовая тишина. Актёры массовки и штафф замерли. Ксюша у портьеры продолжала заинтересованно наблюдать, а Таисия Юрьевна, вместо того чтобы остановить этот балаган, лишь подалась вперёд, зацепившись взглядом за эту пару. Между ними в воздухе буквально искрило — это была не просто ссора, это была война двух миров, которые наконец-то столкнулись лоб в лоб. Рёма тяжело дышал. Он стоял так близко к Вике, что видел отражение собственной ярости в её расширенных зрачках.

Звонкий хлопок от унижительной пощёчины разрезал тишину зала, словно выстрел. Голова Рёмы дернулась в сторону, прядь тёмных волос упала на лоб, закрывая глаза. На несколько секунд время в Александринке замерло: актёры перестали шептаться, а Таисия Юрьевна даже забыла поправить свою шаль, застыв с приоткрытым ртом. Вика стояла перед ним, тяжело дыша, её ладонь всё ещё горела после удара. Она смотрела в упор, сузив глаза, а её плотно сжатые губы превратились в тонкую линию. Это был вызов — открытый, дерзкий, не терпящий возражений. Рёма медленно, пугающе плавно повернул голову обратно. На его бледной щеке уже проступал отчётливый красный след, но в его взгляде не было ни капли обиды. Напротив, это стало вызовом для него. Он не ударил в ответ, не закричал. Вместо этого

он медленно поднял руку и прижал её к груди — именно туда, куда Вика недавно тыкала пальцем, — словно проверяя, не пробила ли она в нём брешь. И тут его губы разошлись в улыбке. Это не была добрая или извиняющаяся улыбка. Это был оскал «ледяного принца», который вдруг почувствовал вкус азарта. Он притянул её к себе за ткань шарфика, чем вызвал плохо скрываемое недоумение.

— Вот оно что... — негромко произнёс он, и в этом шёпоте было больше угрозы, чем в недавнем крике. — Значит, под этим розовым шарфиком всё-таки прячется что-то достойное.

Его глаза сканировали её лицо с пугающей тщательностью.

— Ты только что совершила свою самую большую ошибку, Воскресенская, — прошептал он ей, не обращая внимания на замершую в ужасе труппу. — Это уже вызов. Теперь я не просто буду играть с тобой эту сцену. Я выверну твою «петербургскую душу» наизнанку. Ты у меня ещё поплачешь.

Рёма обернулся к Таисии, не теряя своего абсолютно мистического запала.

— Таисия Юрьевна, — голос его был кристально чист. — Мы продолжаем. Мне кажется, мы только что нашли правильный тон для этой сцены. Вам не кажется?

Громкий, сухой хлопок ладоней руководительницы прозвучал как удар хлыста, принудительно разрушая кокон напряжения между Рёмой и Викторией.

— Довольно! — голос женщины был твёрдым, но сейчас в нём проскальзывали нотки какого-то сомнения. — На сегодня всё. Репетиция окончена. Всем спасибо, все свободны.

Она стояла, сжимая в руках засаленные листы сценария. В её голове мысли неслись вскачь:

«Господи, я искала искру, а чуть не проглядела пожар. Они же не играют. Они буквально вгрызаются друг другу в глотки, живут этой сценой... Как я могла быть настолько слепа?»

Рёма и Вика не сразу отвели взгляды. Казалось, между ними всё еще протянуты невидимые, натянутые до предела струны. Рёма медленно опустил руку от груди, его улыбка чуть померкла, но азарт в глазах никуда не делся.

— Как скажете, Таисия Юрьевна, — негромко произнёс он, наконец отступая на шаг.

Его голос уже вернулся к привычной холодной вежливости, но красный след от пощёчины горел, словно выжженное клеймо.

— Вика, ты что? — спросила Таисия, внимательно глядя на девушку. — Эмоции надо, понимаешь ли, как-то контролировать.

Вика лишь яростно поджала губы, ничего не ответив. Она сошла со сцены и в пару размашистых шагов прошла к стулу, на спинке которого покоился её серый плащ. Девушка начала спешно одеваться, словно пытаясь задушить собственные эмоции гнева, дабы не выплеснуть

те прямо сейчас на Таисию. В этот момент из-за портьеры выпорхнула Ксюша. Она выглядела растерянной и напряжённой одновременно.

— Рома! — она подбежала к нему на цыпочках, осторожно коснувшись его локтя. — О боже, у тебя щека горит... Она совсем с ума сошла! Пойдём скорее, я уже забронировала столик в том суши-баре на углу, тебе нужно приложить что-то холодное...

Рёма мельком взглянул на Ксюшу, и на мгновение его лицо стало прежним — непроницаемой маской. Но так было только на людях. Наедине он был совсем другим. Позволял себе куда больше флирта.

— Всё в порядке. Это просто... производственные издержки, — он бросил последний, короткий взгляд на Вику, которая в этот момент застёгивала последние пуговицы дрожащими от гнева пальцами. — Идём. Я действительно проголодался.

Вика замерла у края сцены, делая вид, что увлечённо ищет ключи в сумке. Она видела боковым зрением, как Ксюша заботливо поправила его кожаную куртку, стоило им направиться к выходу, негромко обсуждая меню с прошлого раза. Ксюша что-то щебетала о «калифорнии» и имбире, а Рёма просто шёл рядом — высокий, прямой, снова недостижимый «ледяной принц». Она проводила их взглядом до самых дверей. Когда тяжёлые створки за ними захлопнулись, Вика наконец выдохнула, и этот выдох был похож на всхлип.

— Придурок, — прошептала она в пустоту зала. — Суши он захотел. Надеюсь, ты подавишься своим рисом.

Таисия Юрьевна, всё это время наблюдавшая за ней со своего места, негромко произнесла:

— Вика, завтра в шесть. И... постарайся не убить его до премьеры. Вы мне нужны оба живыми.

— Мы? Оба?

ГЛАВА V

Вечер в петербургской квартире Такеру был пропитан тишиной, что для него, человека педантичного, была высшим проявлением порядка. За панорамными окнами шумел майский дождь, разбиваясь о стекло — звук, который неизменно возвращал его в детство, к дедушкиному дому. Но сейчас Такеру был не шестилетним мальчиком, а главой филиала, на чьих плечах лежал груз реорганизации «Ниппон-Нева Технолоджис». Он сидел за массивным столом из тёмного дерева. Свет лампы падал на клавиатуру ноутбука, выхватывая из темноты длинные пальцы, мерно отстукивающие привычный выработанный годами ритм. Его лицо, обычно напоминающее маску — холодную и неподвижную, — в эти минуты чуть смягчалось. На нём проступали самые обычные для любого человека эмоции. Он позволял себе проявлять признаки усталости.

— Папа, — раздался недалеко тонкий голосок.

Такеру не вздрогнул. Он замер, его пальцы застыли над клавишами. Он медленно повернул голову. На пороге комнаты стоял восьмилетний Шохей. Мальчик был в пижаме с изображением дораэмона, чистенький после ванной, и прижимал к груди небольшую красную машинку.

В глазах японца застыл немой вопрос, что он вскоре озвучил своему отпрыску:

— Почему ты не спишь, Шохей? — голос Такеру был ровным, но в нём не было той металлической строгости, которую сегодня днём слышали сотрудники офиса.

— Ещё только восемь, — прошептал мальчонка, подходя ближе. — Мне было очень грустно сегодня.

Такеру ощутил, как в груди что-то кольнуло. Он отодвинул ноутбук и жестом поманил сына к себе. Когда Шохей подошёл, Такеру посадил его на колено. Он пах теплом, детским шампунем и тем самым неуловимым уютom, который Такеру так боялся потерять после смерти Акеми.

— Ты мог бы просто подойти и сказать мне об этом, — Такеру улыбнулся сынишке, поглядывая на него с восхищением, после чего указал в сторону полки, где стояла дедова матрёшка. — Видишь? Она смотрит на тебя и ей не хочется, чтобы ты грустил. Это значит, что у нас не должно быть секретов. Если есть, что сказать, то просто приходи и скажи, как есть. Что-то в школе произошло?

Он бережно провёл ладонью по волосам сына, разглаживая вихры. В этом жесте была вся его скрытая нежность — нежность человека, который не умел говорить «я люблю тебя» словами, но выражал это в идеальном порядке, в безопасности, которую он создавал вокруг своего «продолжения». Но Шохей лишь отрицательно покачал головой.

— Было весело. Все были очень добры ко мне. А мы погуляем на выходных? — спросил маленький Онда, прижимаясь к плечу отца. — Как раньше? В Японии...

Япония... Взгляд Такеру на мгновение стал каким-то пугающе ледяным. Одним движением руки он закрыл крышку ноутбука и поднялся вместе с сыном.

— Пора спать.

В комнате сына всё было устроено по его вкусу: функционально, чисто, с маленькими деталями, которые создавали уют для ребёнка. Обилие игрушек создавало особый уют. Он уложил Шохея на кровать, которая казалась уж слишком большой для восьмилетнего мальчика, а сам присел на край, чувствуя, как матрас слегка прогибается под его весом.

— Папа... — Шохей натянул одеяло до самого подбородка, глядя на отца снизу вверх. — А мама... ей бы здесь понравилось? В Японии всё было другим, правда?

Сердце Такеру на мгновение пропустило удар. Он редко говорил об Акеми — не потому что забыл, а потому что хранил эту память в глубинах своей души. Шохей маму почти не помнил, поэтому говорил о ней без той тоски, с какой Такеру сам мог иногда рассказывать. С друзьями на посиделках.

— Да, — тихо ответил он, поправляя край подушки сына. — Она говорила, что дождь — это музыка земли. В Японии он пахнет мокрыми камнями и хвоей, а здесь, в Петербурге... он пахнет историей и старым камнем. Конечно, Шохей. Ей бы понравилось.

— Расскажи сказку, — попросил мальчик, закрывая глаза.

— Только не из книги. Свою.

Такеру помедлил. Он не был хорошим рассказчиком, его мир состоял из графиков и чертежей. Но, глядя на умиротворённое лицо сына, он начал вещать, и слова сами собой собирались в какую-то историю.

— Далеко-далеко, в стране, где горы касаются облаков, жил волк. Он был очень сильным и гордым, и сердце его было высечено из самого твёрдого гранита. Он верил, что его задача — охранять свой сад и никогда не показывать слабости. Он думал, что если он станет мягким, то не сможет защитить тех, кто ему дорог.

Такеру сделал паузу, его голос стал ниже и мягче.

— Однажды волк оказался в другом саду, незнакомом и туманном. Там было много других зверей, но волк держался в стороне. Присматривался. Пока однажды он не увидел птицу с крыльями цвета радуги. Она не пела громких песен, она просто молча сидела на ветке. Птичка была такой спокойной, что волк впервые за много лет перестал смотреть на кого-то с подозрением. Он вдруг понял, что в её тишине больше силы, чем в его гордости...

Шохей уже дышал ровно и глубоко. Он уснул под этот монотонный, почти гипнотический рассказ. Такеру ещё несколько минут сидел в темноте, осознавая, что только что в иносказательной форме признался самому себе в чём-то важном. Птица с крыльями цвета радуги... Образ женщины, такой немногословной и спокойной, невольно вплёлся в его импровизацию. Он встал, стараясь не скрипнуть половицей. Наклонившись, мужчина бережно, почти неведомо, поправил одеяло Шохея, стараясь не потревожить его сон. Осторожным и почти неведомым движением руки, коснулся переключателя на ночнике, и комната погрузилась в мягкий полумрак. Выйдя в прихожую, Такеру остановился. Его взгляд упал на ровный ряд обуви. В стороне, отдельно от его туфель и детских кроссовок Шохея, стояли мужские домашние тапочки. Идеально чистые. Нетронутые. Такеру тяжело, со свистом выдохнул, и этот звук в

тихой прихожей прозвучал как стон отчаяния. Ощущение холодного камня в груди, о котором он только что рассказывал сыну, вернулось с новой силой. Мужчина развернулся и направился на кухню. Ему нужно было выпить чаю и прийти в себя, прежде чем завтра снова надеть маску «жесткого доминатора» перед подчинёнными.

Утро в офисе «Ниппон-Нева Технолоджис» началось с натянутого, как струна, ожидания. Такеру сидел в своём кабинете за прозрачной перегородкой, то и дело бросая взгляд на наручные часы. 09:02. Для него время было не просто цифрами, а мерилем дисциплины и уважения. Ольга должна была прислать отчёт по сотрудникам. Каждая последующая секунда отдавалась в его висках глухим раздражением. Он вспомнил вчерашний вечер, тихий голос сына и свою сказку о гордом волке. В офисе, под холодным светом люминесцентных ламп, та минутная слабость казалась ему досадной ошибкой. Здесь он был ходячей «системой», которая не терпела сбоев. В 09:04 на почту пришло уведомление. Такеру не стал открывать файл. Он резко поднялся, поправил манжеты пиджака и вышел в общий зал. Его шаги по ламинату звучали как удары метронома. Сотрудники инстинктивно вжимали головы в плечи, едва завидев его силуэт. Он остановился у стола Ольги. Она как раз закрывала какую-то вкладку на мониторе, сохраняя то самое спокойствие, которое Такеру считал едва ли не формой пассивной агрессии.

— Ольга, — его голос был тихим, но в этой тишине чувствовался холод арктического льда. — У вас сломались часы или вы считаете, что регламент компании — это лишь рекомендация, которую можно игнорировать по собственному усмотрению?

Он опёрся ладонями о край её стола, нависая над ней и тем самым вторгаясь в её личное пространство. От неё пахло лёгким парфюмом и — едва уловимо — домашней выпечкой, что совершенно не вязалось с сухой атмосферой офиса и злило его ещё больше.

— Четыре минуты, — сухо отчеканил он, глядя ей прямо в глаза. — В масштабах крупного холдинга четыре минуты — это задержка транзита, это срыв графика совещаний, это брешь в системе. Если вы не справляетесь с элементарным тайм-менеджментом, возможно, мне стоит пересмотреть объём ваших полномочий. Или ваша «особая ситуация» дома даёт вам право считать, что правила писаны не для вас?

Он намеренно задел тему её личной жизни, желая увидеть, как пошатнётся её невозмутимость. В его глазах вспыхнул опасный огонёк — он ждал, что она начнет оправдываться, как все остальные, кто был до неё. Как он привык.

Такеру не сводил с неё взгляда, надеясь увидеть хоть малейшую трещину в этой раздражающей невозмутимости. Он ждал дрожащих рук, отведённых глаз или судорожного вздоха, но Ольга лишь смотрела на него в ответ — прямо, внимательно и пугающе тихо. Это молчание подстёгивало сильнее, чем если бы она начала просто кричать. Его взгляд, привыкший подмечать мельчайшие дефекты в чертежах, вдруг зацепился за её зрачки. Ему показалось, что в их глубине вспыхнул крохотный огонёк бунта, но он тут же исчез под слоем профессиональной вежливости. А затем он почувствовал, как её взгляд переместился с его глаз чуть ниже, на подбородок. Такеру внутренне напрягся. Он вспомнил утро: Шохей, который никак не мог найти второй ботинок, капризы за завтраком, звонок из Отару от друга... В той суматохе он брился почти вслепую. Неужели пропустил участок кожи? Эта мысль, такая бытовая и неуместная в момент дисциплинарной экзекуции, привела его в бешенство. Он почувствовал себя уязвимым, словно в его безупречных доспехах обнаружили ржавчину.

— Ваше молчание я расцениваю как признание полной некомпетентности, Ольга, — напирал японец, чеканя каждое слово, словно вбивая гвозди. — В следующий раз, когда вы решите, что четыре минуты вашей жизни важнее дисциплины «Ниппон-Нева», будьте готовы искать работу там, где на время смотрят сквозь пальцы. В детском саду, например. Или в булочной.

Он резко выпрямился, одёрнул пиджак и зашагал к своему кабинету. Внутри него всё клокотало. Это было странное, смешанное чувство: ярость на подчинённую, недовольство собой и подсознательное, глубоко запрятанное восхищение тем, как эта женщина держит удар. Она не поклонилась, не извинилась. Она просто... была. Как та птица из его вчерашней сказки. Захлопнув дверь кабинета, Такеру не сел в кресло. Он подошёл к окну, глядя на серую панораму Петербурга, а затем достал из кармана телефон и вызвонил помощницу, оставшуюся по ту сторону двери.

— Йоко, зайди ко мне. Живо.

Через минуту это воплощение исполнительности на каблуках стояло перед ним.

— Йоко, — Такеру даже не повернулся к ней, его голос вибрировал от едва сдерживаемого напряжения. — Отчёт Романенко. Изучи его вдоль и поперёк. Мне не нужны общие фразы. Мне нужен точный анализ. Я хочу знать, кто в этом отделе действительно работает, а кто просто создаёт видимость, прикрываясь стажем.

Он наконец обернулся, но Йоко даже не вздрогнула от холода в его взгляде.

— Подготовь мне список кандидатов на оптимизацию. Начни с Романенко. Проверь её связи, её предыдущие проекты. Если она позволяет себе опаздывать с отчётом на четыре минуты — значит, она считает себя незаменимой. А незаменимых у нас, как ты знаешь, нет. Доложи мне через час, кто здесь на что горазд и кого нам пора... оставить в прошлом.

Когда Йоко вышла, Такеру сел за стол и напряжённо потёр лицо ладонями. Его пальцы коснулись подбородка, и он действительно нащупал едва заметную шероховатость — полоску несбритой щетины.

— Черт возьми, — прошипел он на японском, чувствуя, как лицо обжигает собственный гнев.

Он был уверен, что она это заметила. Она видела его несовершенство, и это делало её в его глазах ещё более опасной.

Спокойствие постепенно сменялось ледяной яростью, исходящей от обычно спокойной и невозмутимой женщины. Тишина в отделе стала невыносимой. Коллеги боялись даже дышать, уткнувшись в мониторы, и только Наташа осторожно подкатилась на стуле ближе.

— Оль... ты как? — поинтересовалась рыжеволосая, округлив глаза. — Он тебя чуть живьём не сожрал. Совсем японец с катушек слетел из-за этих четырех минут...

Ольга ничего не ответила. Она молча окинула взглядом стопку документов, которые ей предстояло отсканировать. В следующую секунду она резким, почти грубым движением оттолкнула папки от себя. Листы веером разлетелись по столу, один упал на пол.

— Идём, — Романенко резко поднялась.

— Куда? У нас же тут завал...

— На перекур. Живо, — отрезала Ольга.

— Но ты же не куришь?

— Сегодня — начну. Или просто подышу воздухом, который не пропитан его высокомерием. Идём же!

Они вышли через дверь, ведущую во внутренний дворик бизнес-центра. Майский воздух обжёг распалённую кожу прохладным потоком ветра. Ольге этого было мало — внутри у неё всё полыхало пожаром. Наташа растерянно прикурила тонкую сигарету, поглядывая на коллегу. Такеру вышел следом, слишком бесшумно, незаметно, ещё на полпути достав пачку сигарет. Заметив женщин, он притаился за углом, в тени массивной колонны, практически замер.

— Ты видела его? — голос Ольги, обычно мягкий и бархатный, сейчас звенел от негодования. — «Тайм-менеджмент», «брешь в системе»! Какой пафос, Наташа! Гордый волк-одиночка, у которого всё по правилам!

— Оль, ну он же начальник... — попыталась вставить свои «пять копеек» Наташа, выпуская клуб дыма.

— Да плевать я хотела на его чины! — Ольга сорвалась на резкий, злой смешок. — Он стоит и отчитывает меня за четыре минуты, как школьницу, а у самого... у самого на подборке целая полоса щетины осталась! Ты видела? Прямо в центре. Великий педант не смог нормально побриться, потому что, видимо, даже его идеальный мир трещит по швам, когда нужно просто остановиться и посмотреть вокруг себя.

Такеру за колонной произвольно вновь коснулся рукой своего лица, нащупывая ту самую проклятую шероховатость. Его пальцы дрогнули.

— Он нелепый в своём пафосе, — продолжала Ольга, не подозревая, что объект её гнева стоит буквально в десяти шагах от их спин. — Требует от нас совершенства, хотя сам — обычный, замотанный мужик, который не справляется ни со временем, ни с бритвой. И если он думает, что я буду дрожать перед его «холодным взглядом», то он сильно ошибается. Пусть сначала научится смотреться в зеркало по утрам, прежде чем читать мне лекции о порядке!

Наташа поперхнулась дымом, а Ольга, тяжело дыша, уставилась в безоблачное небо, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце. Такеру стоял неподвижно. Каждое её слово попадало в цель точнее, чем любой дисциплинарный выговор. Его щёку обдало жаром — не от гнева, а от странного, жгучего стыда, которого он не чувствовал уже много лет. Эта женщина не просто не боялась его — она его раскусила. И это было куда страшнее её увольнения. Он медленно повернулся и, стараясь не шуметь, зашагал обратно в здание, так и не выкурив сигарету.

Весь оставшийся день Онда вёл себя непривычно сдержанно, по крайней мере, для тех, кто привык видеть в нём лишь бездушную машину для выполнения ключевых показателей эффективности. Он не заперся в кабинете, а начал методично обходить отделы в сопровождении Йоко, которая едва успевала записывать его распоряжения. Ольга наблюдала за ним периферийным зрением. Он проходил мимо её стола пять, шесть, семь раз — абсолютно не глядя

в её сторону, будто она внезапно стала частью офисной мебели. Будто не было того выговора. Его спина была такой же прямой, а шаг — таким же уверенным, но всё равно Романенко не могла отделаться от мысли о той злосчастной полоске щетины на его лице. Теперь, когда она знала о его «бреши», весь его авторитет казался ей напускным, хрупким, как тонкая глазурь на фарфоре.

— Бессердечный... — едва слышно прошептала она, глядя, как Такеру остановился у стола молодого стажёра, который уже полчаса как бессмысленно щёлкал мышкой.

Сам начальник же в этот момент переживал внутреннюю борьбу. Слова Ольги о «замотанном мужике» эхом отдавались в голове. Вместо того чтобы сорваться на парне, он наклонился к нему. Бездушное лицо озарила эмоция. Чисто профессиональная, но с долей заинтересованности. Как человека, который хочет понять, что не так в его идеальном механизме. И как можно уладить погрешности.

— В чём дело, Алексей? — голос Такеру был сухим, но без привычного металла.

— Я... я не понимаю логику связей в этой базе. Переделываю уже третий раз, и всё напрасно.

— Потому что вы смотрите на дерево, а не на лес, — Такеру подвинул к себе кресло ушедшего на перекур сотрудника и сел рядом, потратив десять минут с объяснением структуры. — Я не жду, что вы станете роботом. Я жду, что вы начнёте думать. Если нужно — возьмите дополнительный час на изучение мануала. Но завтра к обеду я жду результат.

Йоко, стоявшая за его спиной, удивлённо вскинула брови. Вместо увольнения он стал мотивировать. За полчаса до конца рабочего дня, когда офис начал пустеть, японка в белом костюме наконец настигла начальника у окна в коридоре.

— Онда-сан, — она склонила голову. — Я подготовила отчёт по Романенко, как вы просили.

Такеру замер, глядя на своё отражение в стекле. Он уже успел сто раз пожалеть о своём утреннем приказе, но гордость не позволяла его отменить.

— Говорите, — коротко бросил он.

— Я изучила её переводы за последние полгода. Знаете... — Йоко замялась, подбирая слова. — Она не просто переводчик. Она адаптирует смыслы. В тех местах, где наши инженеры из Токио пишут слишком сухо, она находит такие русские эквиваленты, которые снимают конфликты с подрядчиками ещё до их возникновения. Её задержка на четыре минуты была вызвана тем, что она проверяла последние изменения в ГОСТах, которые вышли сегодня ночью. Она хотела, чтобы в отчёте не было ни единой юридической лакуны.

Такеру молчал.

— И ещё, — добавила Йоко уже тише. — Я узнала, почему она работает здесь, несмотря на такой плотный график. Её дочь нуждается в хорошем логопеде, нужны дорогостоящие сеансы. Она никогда не просила отгулов или авансов. Откровенно говоря... она лучший сотрудник в этом департаменте. Если мы её уволим, «ошибка в четыре минуты» покажется нам благословением по сравнению с тем хаосом, который начнётся без её участия.

Такеру медленно повернулся к Йоко. Его лицо снова стало непроницаемым, но в глазах на секунду отразилось то самое смятение, которое он испытал утром в прихожей, глядя на семейные тапочки.

— Вы свободны, — ровным тоном произнёс он. — Подготовьте приказ о назначении премии в таком случае. Имени Романенко там быть не должно, распределите на всех. Но её долю... удвойте.

Он дождался, пока помощница уйдёт, и снова посмотрел в сторону стеклянной перегородки, наблюдая за движениями на рабочем месте Ольги. Она спокойно собирала вещи, попутно надевая лёгкую весеннюю куртку. Он хотел подойти. Хотел сказать что-то, что стёрло бы утреннюю грубость, но слова застряли в горле. Одинокий волк внутри него всё ещё боялся показать, что его гордость начала рассыпаться. Он так и остался стоять, наблюдая, как она уходит — спокойная и совершенно недостижимая для его приказов. Приготовила зонтик, направляясь лёгкой походкой в сторону лифта, оставляя все склоки в стенах этого здания. Погода была слишком ненастной, как никогда в этом году.

ГЛАВА VI

Дождь, который Такеру со слов покойной жены считал «музыкой земли», для Ольги сегодня превратился в беспощадный шум, отсчитывающий секунды её опоздания. Выбежав из бизнес-центра, она едва не столкнулась с дверью, которую за ней придержал охранник, и бросилась к метро. Лишние полчаса, которые раньше позволяла ей Яночка Петровна, теперь казались непоозволительной роскошью, отобранной холодным японским тираном. В вагоне метро было душно от мокрых плащей и тяжёлых, усталых вздохов. Ольга смотрела на часы: стрелки неумолимо приближались к семи. Час-пик в Петербурге не знает жалости к матерям-одиночкам. Когда она, наконец, добежала до школы, её дыхание вырывалось из груди хриплыми толчками, а пряди «пшеничных» волос прилипли к вискам. В коридорах стояла гулкая, давящая тишина. Лишь в одном классе горел свет.

— Тамара Михайловна, простите! Ради Бога, простите! — Ольга влетела в кабинет, едва не уронив сумку.

Учительница, пожилая женщина в вязаной кофте, вздрогнула, выронив на колени томик стихов Пушкина. Её очки в роговой оправе съехали на кончик тонкого, интеллигентного носа.

— Ох, Оленька... — Тамара Михайловна зевнула, прикрыв рот ладонью, посмотрела на часы. — Мы уж заждались. Риточка — молодец, ни разу не пожаловалась в отличие от других деток. Всё ждала тебя.

В углу, за последней партой, сидела маленькая Маргарита. Её детская фигурка казалась совсем крошечной в опустевшем классе. Перед ней лежали аккуратно сложенные тетради. Услышав голос матери, девочка подняла голову — её глаза были подёрнуты сонной дымкой, а личико казалось бледным и осунувшимся от долгого ожидания.

— Мам, я все уроки сделала. Даже математику, — тихо сказала Маргоша, вставая и собирая карандаши в пенал. — И задачку про яблоки... два раза перепроверила.

Ольге стало почти физически больно. Этот усталый вид дочери, это покорное ожидание — всё это как-то неправильно по отношению к ребёнку.

— Риточка, солнышко, извини меня... — Ольга опустилась перед ней на корточки, поправляя воротничок её блузки.

Руки у матери всё еще мелко дрожали.

— Я постараюсь, чтобы больше так не было. Обещаю.

— Ты уж, Оленька, постарайся, — Тамара Михайловна тяжело поднялась, поправляя шаль. — Я понимаю, работа ответственная, но дитё-то последнее осталось. Охранник уже три раза заглядывал, ворчал. Маргарита у тебя золотая, сидела тихонько и уроками занималась.

— Я всё понимаю, Тамара Михайловна. Спасибо вам за терпение, — Ольга впопыхах застёгивала на дочери куртку, чувствуя, как внутри закипает глухая ярость на «ледяного короля», который сейчас наверняка сидит в своей безупречной квартире и пьёт дорогой чай.

Такеру, однако, всё ещё сидел в машине. Его чёрный седан медленно двигался по запыленному проспекту. Он колесил с Шохеем на пару. Мальчик послушно сидел на заднем сиденье автомобиля и играл в какую-то игру на планшете отца. Слова Йоко о том, что Романенко — «лучший сотрудник», а её опоздание было вызвано профессиональной дотошностью, жгли упрямого начальника сильнее, чем то колкое замечание о небрежности. Он смотрел в окно на прохожих, штурмующих автобусы, и вдруг его взгляд зацепился за знакомый светло-серый костюм в белой куртке. Ольга. Она почти бежала по тротуару, крепко держа за руку маленькую девочку в яркой шапочке. Ребёнок едва поспевал за ней, перепрыгивая через лужи. Такеру нахмурился. В его мире дисциплина была защитой, а здесь, в этом мокром городе, она, кажется, становилась чьим-то горем. Он вспомнил Шохея, его вопрос: «А мама... ей бы здесь понравилось?». И следом вспомнил глаза Ольги — те самые, которые «сканировали больше, чем видели».

— Остановимся здесь, — негромко проговорил он, паркуясь в неполюбованном месте за лениво ожидающим таксистом.

— Папа, тут же запрещено... — Шохей указал пальчиком в сторону дорожного знака.

— Дядя припарковался и мы не хуже, — только и бросил мужчина сыну.

Такеру открыл дверь и вышел под холодный петербургский дождь, угодив прямо в лужу. Он не взял зонт. Его безупречное пальто мгновенно покрылось мелкими каплями грязной лужи. Мужчина стоял у машины, наблюдая, как Ольга с дочерью о чём-то оживлённо беседуют, ожидая свой автобус.

«Птица с крыльями цвета радуги», — всплыло в голове. Он сделал несколько шагов в их сторону. Его фигура — высокая, строгая, в дорогом костюме — выглядела здесь, среди вечерней суеты, инородным телом.

— Ольга, — позвал он, и его голос, обычно монотонный, на этот раз прозвучал странно хрипло, перекрывая шум машин.

Такеру сделал шаг вперёд, его рука непроизвольно потянулась к ним, а губы разомкнулись, чтобы произнести что-то ещё, но в этот момент пространство между ними с грохотом наполнила тяжёлая махина синего автобуса. Скрип тормозов и гул двигателя заглушили его голос, превратив попытку заговорить в едва заметное движение воздуха. Сквозь грязные стёкла он увидел лишь профиль Ольги и макушку в яркой шапочке, которую мать буквально затащила в салон. Двери с шипением захлопнулись, и автобус растворился в потоке машин. Он остался стоять на тротуаре — одинокий, промокший и внезапно почувствовавший себя бесконечно глупо. Она не услышала его и даже не ощутила его присутствия.

Вернувшись в машину, Такеру обнаружил Шохея в полусонном состоянии. Мальчик притих, прижавшись лбом к холодному стеклу. Его глаза, обычно любопытные, сейчас казались огромными и полными тревоги.

— Папа, почему мы стоим? Здесь дядя в форме... — прошептал ребёнок.

В этот момент в стекло водительской двери постучали. Резко, требовательно. Такеру опустил стекло, и в салон миглом ворвался запах сырости и дорожной пыли.

— Старший лейтенант Соколов, — отчеканил инспектор, чьё лицо под козырьком фуражки казалось высеченным из камня. — Знак видели? Остановка запрещена. Документы, пожалуйста.

— Я остановился на минуту, — раздражённо процедил Такеру.

Его самообладание, подточенное за день офисным хаосом, семейным напряжением, и этим бегством Ольги, дало течь.

— Неужели в этом городе правила существуют только для того, чтобы мешать людям жить? У меня в машине ребёнок, на улице ливень...

— Так эти самые правила и существуют для безопасности вашего же ребёнка, — перебил инспектор, его голос стал жёстче. — Вы создаёте аварийную ситуацию. Выходите из машины.

— Это абсурд! — Такеру повысил голос, переходя на резкий, лающий тон, который обычно приберегал для самых нерадивых подрядчиков. — Вы тратите моё время из-за пустяка, пока город стоит в пробках! В Японии полиция помогает гражданам, а не...

Он не договорил. Случайно бросив взгляд в зеркало заднего вида, Такеру увидел лицо Шохея. Мальчик сжался в комок, закрыв уши руками. Его губы дрожали. Сын боялся — боялся этого чужого человека в форме, но ещё больше — ярости собственного отца, которую тот никогда не выплёскивал так открыто. Гнев Такеру испарился мгновенно, оставив после себя лишь горький привкус стыда. Он медленно выдохнул и повернулся к инспектору. Тот уже достал планшет, чтобы выписать протокол, но вдруг замер. Гаишник посмотрел на заднее сиденье, на напуганного восьмилетнего мальчишку, который смотрел на них как на участников страшной битвы. Полицейский вздохнул, его плечи чуть опустились. Он убрал планшет и посмотрел на Такеру — уже не как на нарушителя, а как на доведённого до предела мужчину.

— Ладно... — тихо сказал мужчина. — Успокойте мальчонку. Видите, как он за старшего переживает. Уезжайте. И больше не вставайте под знаком.

Такеру замер. Он ожидал штрафа, долгого спора, чего угодно, но не этого простого человеческого понимания в совершенно чужой стране.

— Простите... — искренне произнёс японец, и его голос дрогнул. — Я был не прав. Слишком тяжёлый день. Извините за вспыльчивость.

Инспектор лишь кивнул и махнул рукой: «Езжайте уже». Оставшуюся дорогу до дома они ехали в полной тишине. Такеру вёл машину осторожно, как никогда. В его голове крутились слова деда о «моментах, которые нужно запоминать». Сегодня он запомнит не отчёты и не графики. Он запомнит испуг в глазах сына и спину Ольги, исчезающую в дверях автобуса. Когда они вошли в квартиру, Такеру помог Шохею снять куртку и, вопреки своей обычной сдержанности, на мгновение прижал его к себе, положив руку на маленький затылок.

— Всё хорошо, Шохей. Мы дома.

Позже, когда сын уснул, Такеру долго сидел на кухне. Перед ним на столе стояла та самая дедова матрёшка. Он думал о том, что Ольга сейчас, скорее всего, кормит свою дочь ужином в какой-нибудь маленькой кухне, и в её мире нет места для жалости к «великому педанту» из офиса со своим багажом проблем. Более того, сегодня он точно был уверен, что она прези-

рает его. Японец открыл ноутбук, но вместо графиков, кликнул на файл с приказом о премии. Пальцы замерли над клавишами.

На следующее утро офис словно наполнился радикально другим воздухом. Японец появился ровно в девять, но это был не тот вчерашний «ледяной тиран». Он был выбрит с такой пугающей тщательностью, что кожа казалась фарфоровой, а тонкий шлейф дорогого парфюма — смесь сандала и холодного цитруса — заполнил коридор ещё до того, как сам начальник вошёл в кабинет. Он даже позволил себе лёгкий кивок проходящей мимо эйчаре и едва заметную полуулыбку, которая совершенно не вязалась с его образом сурового босса. Ольга же, напротив, выглядела как человек, переживший шторм. Тени под глазами и третья чашка кофе не скрыли факт бессонной ночи. Она с головой ушла в переводы, не поднимая глаз, даже когда Онда проходил мимо её стола, намеренно замедляя шаг. Его идеальный вид разбивался о её ледяное безразличие.

Наступил обеденный перерыв. Офис опустел — сотрудники разбежались, кто в курилку, кто в кафе. Ольга осталась одна, судорожно вбивая данные, чтобы вечером снова не оказаться в ловушке пробок. Гул от тяжёлых шагов заставил её напрячься. Такеру остановился у её стола, но не стал обрушиваться с критикой. Он встал чуть сбоку, скрестив руки на груди, и молча наблюдал за её бегающими по клавиатуре пальцами.

— Ольга, — негромко позвал он.

Голос звучал бархатисто, без привычной стальной нотки. Романенко вздрогнула и медленно подняла голову. Она ожидала замечания по отчёту, но наткнулась на его внимательный, почти изучающий взгляд.

— Да? У вас какой-то вопрос по отчёту? — она попыталась держать максимально нейтральное выражение лица, хотя чувствовала, как внутри всё сжимается.

— Нет. Бюрократия подождёт, — он чуть склонил голову набок, и свет ламп подчеркнул безупречную линию его подбородка. — У меня вопрос другого толка. Скажите... как я сегодня выгляжу?

Ольга замерла. В горле мгновенно пересохло. Это был не просто вопрос — это был прямой выстрел. Она вспомнила свои вчерашние слова о его «небритости», брошенные в сердцах, и поняла: он слышал. Каждое слово.

— Вы... — она запнулась, чувствуя, как румянец стыда заливает щёки. — Вы выглядите... представительно.

— Правда? — Такеру чуть приподнял бровь, открыто наслаждаясь её смятением. — Вчера вы придерживались иного мнения. Как вы тогда выразились? Кажется, вы говорили что-то про «замотанного мужика»?

Ольге захотелось провалиться сквозь землю. Стыд обжёг её изнутри. Она начала судорожно оправдываться, путаясь в словах, под его немигающим взглядом.

— Простите... это было... я была на взводе. Вчерашний день... обстоятельства в школе, я не имела права давать личные оценки вашей внешности. Это было крайне непрофессионально с моей стороны, я просто...

Она замолчала, подбирая слова, а Такеру продолжал стоять, не меняя позы. Его удовлетворяла эта картина: эта сильная, ершистая женщина сейчас краснела и оправдывалась перед ним, теряя свою броню. В её смущении он видел живого человека, а не просто «лучшего сотрудника».

— Продолжайте, — мягко подтолкнул он. — Что «просто»?

— Просто вы вчера выглядели... иначе, — выдохнула она, глядя куда-то в район его галстука. — Я не должна была этого говорить. Извините.

Такеру молчал несколько секунд, а затем едва заметно кивнул.

— Извинения приняты, Ольга. Но впредь, если мой вид будет вызывать у вас вопросы... говорите мне об этом прямо в лицо. Мне нравится честность. Даже если она... доставляет дискомфорт.

Он развернулся и направился в сторону своего кабинета, оставив Ольгу в полной растерянности. Он не был зол. Он был... доволен.

Ольга только успела перевести дыхание и схватиться за мышку, как её телефон на столе завибрировал с такой яростью, будто пытался просверлить собой дыру. На экране высветилось: «Тася».

— Только не сейчас... только не сейчас, — прошептала Ольга, боязливо косясь на закрытую дверь кабинета Такеру.

Но Тася не принимала отказов, продолжая «наяривать» с той же упёртостью. Пришлось ответить.

— Аллю?

— Оля! Это будет фурор! — голос Таисии взорвался в трубке так громко, что Романенко пришлось убрать телефон от уха.

— Это просто фантастика! Я собираюсь вырвать душу у зрителя! Я только вчера поняла, что мне действительно нужно. Меня посетило такое вдохновение!.. Ты обязана быть. Я уже забронировала тебе место в первом ряду, рядом с критиком из «Вечерки».

— Тася, подожди, — Ольга судорожно прикрывала трубку ладонью, озираясь по сторонам, случайно прожав режим динамика.

— Какой спектакль? Какие критики? Я по уши в отчётах, у меня тут... тут новый босс, он всё слышит!

— Ой, да плевать я хотела на твоего босса! — взбунтовалась Таисия на том конце провода. — Оля, ты посмотри на себя со стороны! Ты же превратилась в настоящую ломовую лошадь. Только копытами по клавиатуре и цокаешь. Тебе пора взяться за голову и найти себе нормального мужика, а не пожизненно заседать за этим «компухтером». Ещё и за копейки! Ты стоишь больше!

— Тася, тише! — Ольга зашипела, чувствуя, как лицо снова начинает пылать постыдным румянцем, она тут же перевела звонок в обычный режим, молясь, что не была услышана. — Мне некогда, понимаешь? У меня ребёнок подрастает, счета за квартиру растут, как на дрожжах, и мужик мне нужен меньше всего на свете, особенно «нормальный»! Потому что таких просто нет!

В этот момент за дверью кабинета Такеру происходило то, чего Ольга никак не могла ожидать. «Ледяной король» не ушёл вглубь своей обители. Он стоял, прижавшись спиной к тяжёлому полотну двери, и его губы тронула та самая редкая, хитрая улыбка.

«Нормальный мужик», — мысленно произнёс он.

Он представил Ольгу с этим её «колючим» взглядом на театральной премьере и почему-то почувствовал укол любопытства. Он бы и сам с радостью посетил театр, к слову. Ведь повод у него для этого был.

Из лифта выпорхнула заводная Наташа, сияя улыбкой. Она несла в руках огромный пакет из суши-бара.

— Девочки, я заказала сет «Императорский»! — провозгласила она, ставя коробки прямо перед носом у Ольги. — Оля, смотри, тут твои любимые с угрём. Настоящий вкус Японии, чтобы настроиться на рабочий лад с нашим Акирой Куросавой!

Ольга, которая в этот момент пыталась объяснить Таисии, что «никакой предлог не заманит её в театр», при виде роллов изменилась в лице. Она начала яростно, почти комично отмахиваться от коробок свободной рукой, словно Наташа принесла ей не обед, а живую кобру.

— Убери! — беззвучно, одними губами проартикулировала Ольга, округлив глаза. — Унеси это немедленно! Никакой Японии! Никаких палочек!

Она выглядела настолько взвинченной, растрёпанной и далёкой от привычного образа «железной леди», что Наташа замерла с гаджетом в руках. Она перевела взгляд с Ольги на дверь кабинета Такеру, затем обратно на подругу и понимающе хмыкнула.

— Ого... — тихо протянула Наташа, расплываясь в лукавой улыбке. — Кажется, наш самурай всё-таки пробил твою оборону, Оленька. Ты когда в последний раз так «крыльями» махала? В школе на физкультуре? Птичка ты наша.

— Я не... я просто... — Ольга наконец бросила трубку, проигнорировав вопль Таисии: «Я не принимаю отказов!», и уткнулась лицом в ладони. — Наташа, просто дай мне поработать. Хорошо?

Рыжеволосая коллега же присела на край стола, с интересом наблюдая за тем, как Ольга пытается вернуть себе спокойствие, поправляя выбившуюся прядь дрожащими пальцами.

— Знаешь, — тихо начала Наташа, вынимая из пакета клюквенный морс, — этот его парфюм сегодня... он действует на тебя сильнее, чем пять чашек эспрессо. Смотри, как бы он не решил, что ты отмахиваешься не от суши, а от него самого. Вдруг наш босс ночью установил камеры видеослежки.

В ответ Наташе был дан лишь неопределённый стон.

Ольга судорожно допечатывала последние строки в своей документации. Пальцы порхали по клавишам, а краем глаза она следила за часами: без десяти шесть. Наташа ушла на перекур, и в офисе повисла та самая рабочая тишина, которую внезапно нарушил негромкий стук обуви. Такеру стоял недалеко от её рабочего места, опираясь о стену. Он уже не улыбался,

но его взгляд был непривычно мягким. Он сделал пару шагов вперёд, остановившись ровно на той дистанции, которая отделяла босса от подчинённого по этикету.

— «Нормальных мужиков не существует» — это, конечно, сильно было сказано, Ольга, — негромко произнёс он.

Ольга замерла, её палец застыл над клавишей «Enter». Она медленно подняла на него глаза, готовая к новой порции сарказма или лекции о субординации.

— Но ваша собеседница права в одном, — Такеру чуть сузил глаза. — Театр — это хороший способ переключить внимание. Вы ведь идёте? Что-то воистину достойное, что произведёт фурор... любопытно.

— Я... я ещё не решила, — Ольга быстро сохранила файл. — И я не знала, что вы страстно одержимы подслушиванием личных разговоров своих подчинённых.

— Стены в этом здании не соответствуют японским стандартам звукоизоляции, — парировал он, но тут же смягчил тон.

Он посмотрел на её сумку, что уже наготове стояла на краю стола. Онда прекрасно помнил вчерашний вечер: мокрый асфальт, автобус и маленькую девочку, прижавшуюся к матери. Он понимал цену каждой минуты в этом городе. В его мире дисциплина была высшей ценностью, но здесь, глядя на Ольгу, он осознавал: есть долг важнее офисного — долг перед ребёнком, который ждёт свою мать.

— Завтра обсудим отчёт. Вас будет ожидать такси. Поторопитесь. Я покрою вашу поездку.

Он развернулся, не сказав ни слова. Значит... не препятствовал? Ольга вспыхнула решимостью, схватила сумку и, бросив короткое «До свидания!», почти выбежала из офиса, боясь обернуться. Такеру остановился возле двери в свой кабинет, проводил её взглядом, пока лифт не оповестил своим убыванием в сторону нижних этажей. Он вернулся к себе и подошёл к окну. Сумерки медленно поглощали Петербург. Достав свой гаджет, японец набрал номер Йоко. Звонок был принят практически мгновенно.

— Заберите сегодня Шохея из школы. Я задержусь в офисе. Нет, никакой срочности, просто... нужно довести до ума некоторые дела. Да, он поймёт. Спасибо. — заговорил он по-японски, и его голос в пустом помещении прозвучал устало.

Такеру завершил вызов и положил телефон на стол, после чего сел в кресло и посмотрел в сторону двери. Как отец, он знал, что Шохей расстроится, не увидев его в дверях школы. Но сегодня он решил дать Ольге шанс быть той матерью, которой она хотела быть — без чувства вины за опоздание. Таким образом, он наказал себя за то, что подвёл маленькую девочку. Они были равны, как родители. Это было куда важнее статуса.

«Что это было?» — эта мысль пульсировала в такт плавному ходу машины.

Ольга нахмурилась, пытаясь восстановить в памяти выражение его лица. Он ведь не просто её отпустил. Он сделал это так, будто... понимал.

«Нет, Оля, не обольщайся, — одёрнула она себя, поправляя сумку на коленях. — Такие, как он, ничего не делают просто так. Это манипуляция. Чистой воды стратегический ход. У стен в этом месте есть уши. Он просто понял, что я на грани срыва, и решил ослабить поводок. Хочет, чтобы я чувствовала себя обязанной? Чтобы завтра, когда он завалит меня правками, я не посмела пикнуть что-то в ответ. Потому что он "проявил великодушие"?»

Она вспомнила, как он изучал её взглядом в момент замешательства. К щекам вдруг приливает жар.

«Мерзавец. Слушал и не подавал виду. Стоял там, за дверью, и наверняка упивался моим позором. А потом вышел — такой весь идеальный, пахнувший дорогим парфюмом — и добил своим «благородством».

Но где-то глубоко внутри, под слоем защитного цинизма, извивалось совершенное другое чувство. Она видела, как он смотрел на часы. В этом взгляде не было торжества охотника, скорее — странная, почти болезненная тень узнавания.

«А если он правда... не такой уж плохой человек?» — эта мысль напугала её больше, чем перспектива увольнения.

Ольга закрыла глаза, прислонившись лбом к прохладному стеклу окна.

«Нет, он не мягкий. Он стальной», — решила она, когда водитель начал замедлять ход.

Покидая автомобиль, женщина поймала себя на том, что больше не злится. Она чувствовала странную опустошённость, смешанную с любопытством. Завтра ей придётся снова смотреть ему в глаза. И теперь она знала: за маской безупречного самурая скрывается кто-то, кто умеет подслушивать чужие тайны, прижавшись спиной к двери. И он выбрал не кого-то там, не рыжеволосую кокетку по имени Наташа, а её.

ГЛАВА VII

Закулисье Александринки утопало в густых тенях. Лишь косые лучи сценических прожекторов пробивались, скудно освещая пространство. В воздухе стояла та особая смесь пыли, старого бархата и лака для волос, которая всегда кружила голову начинающим артистам. То, что они будут вспоминать спустя годы, с ностальгией. Но Рёму все эти сантименты не трогали. Он сидел на кофре для костюмов, вальяжно откинувшись назад, и лениво наблюдал, как Ксюша — его эффектная блондинка — игриво наматывает на палец прядь своих волос.

— Ром, а помнишь я тебе в сообщения кидала ссылки? — Ксюша понизила голос до интимного шёпота, придвигаясь ближе. — Я всё же купила то платье, которое тебе понравилось. С открытой спиной.

Рёма слегка усмехнулся, его взгляд скользнул по её губам.

— Логика подсказывает, что платье с открытой спиной в петербургском мае — это прямой путь к простуде. Но признаю, эстетическая ценность этого решения... оправдывает жертвы.

Ксюша довольно хихикнула и коснулась рукой его колена.

— Ты такой невыносимый иногда. Но мне нравится, как ты это говоришь. Знаешь, после премьеры мы могли бы уехать к моей подруге на дачу, там сейчас никого...

Рёма кивнул, собираясь ответить что-то в своём стиле, но вдруг его взгляд невольно метнулся к сцене. Там, в пятне резкого белого света, Вика репетировала ключевую сцену с Артёмом — ведущим актёром труппы, который по сюжету пьесы играл возлюбленного героини Ксюши, парня, что был на грани встать на путь самобичевания, от своей полной безучастности к происходящему не только в мире, но и в собственной жизни. Это была ирония, которую Рёма оценил бы в любом раскладе: в реальности он был с Ксюшей, а на сцене её сценический «партнёр» сейчас прижимал к себе Вику, пытаясь «успокоить». Это был тот самый момент, когда его герой начинает прозревать.

— Ты вообще меня слушаешь? — Ксюша слегка дёрнула его за край чёрной водолазки.

— Конечно. Ты говорила про... архитектурные излишества загородной недвижимости, — механически ответил Рёма, не сводя глаз с Вики.

Вика на сцене была другой. Исчезла та девчонка с розовым шарфом, осталась только оголённая, пульсирующая эмоция. Она кричала на Артёма, её голос срывался, а руки дрожали так искренне, что Рёма невольно прищурился. Он искал «сбой», искал фальшь, но видел только ту самую «петербургскую душу», которую так яростно высмеивал.

— Я не верю тебе! — звенел голос Вики над залом. — Уходи! Оставь мою подругу!

Артём схватил её за запястья, притягивая к себе. Это было по сценарию. Ничего такого, но сам жест был до глубины интимным. Рёма ощутил злость на эту девушку. И в этот раз без особого повода почему-то. Она всегда шумела. Но никогда так сильно не раздражала, как

сегодня. Тем, как смотрела на Артёма. Хотя во взгляде было ровно ничего, что могло бы напрячь «ледяного принца».

— Так вот, я думаю, нам стоит сегодня пойти к тебе... Рома? — Ксюша проследила за его взглядом и выражение её лица мгновенно изменилось. — Ты что, анализируешь её бездарность?

— Я... я просто смотрю, как она нарушает мизансцену, — быстро проговорил Рёма, стараясь вернуть голосу прежнюю ледяную уверенность. — Это неэффективно. Она тратит слишком много энергии на...

Но он замолчал на полуслове. На сцене Артём нежно коснулся щеки Вики. Ксюша сузила глаза. Она не была глупой. Она видела этот странный, почти безумный, шальной блеск в глазах своего любовника. Решительным движением она резко обхватила его лицо ладонями, заставляя смотреть только на себя.

— Рома, не забудь, что нам нужно будет заскочить в аптеку.

Она потянулась к его губам, явно намереваясь закрепить своё право обладания долгим поцелуем. Рёма почувствовал вкус её блеска для губ — приторно-сладкий, клубничный. Он должен был ответить. Это было логично. Это было частью их негласного контракта, как парочки, которая всегда уходила вместе после репетиции. Ксюша прижалась к нему, её пальцы запутались в его волосах на затылке. Рёма закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться на этой близости, на запахе её дорогих духов.

— Да... — пробормотал он в её губы. — Конечно...

В этот момент со сцены донесся тихий, полный боли всхлип Вики — по сценарию её героиня должна была принять всю боль, через которую прошёл персонаж Артёма. Через то, что вынудило его потерять интерес к жизни. Нить разговора с Ксюшей лопнула окончательно. Рёма замер, не завершая поцелуй. Прямо над плечом Ксюши он продолжал смотреть на сцену, где Вика, опустившись на колени, казалась такой маленькой и беззащитной под холодными софитами.

— Рома, ты здесь? — прошептала Ксюша, отстраняясь и глядя на него с нарастающей тревогой. — Ты... ты даже не закрыл глаза. Что-то случилось?

— Извини, — Рёма медленно отстранил её руки. — Я просто подумал, что в этой сцене... Артёму не хватает внутреннего стержня.

Он облизал губы, поправляя водолазку. Внутри него бушевал пожар, который он не мог объяснить. Его тянуло туда, в этот холодный свет. Повторить вчерашний конфликт. Но так, чтобы он вписывался в саму пьесу.

Голос Рёмы разрезал тишину зала, как скальпель — сухую кожу.

— Таисия Юрьевна! Остановите это надругательство над искусством, — он поднялся с кофра, игнорируя вцепившуюся в его рукав Ксюшу. — Я, конечно, понимаю, что у нас театр теней, но почему одна из теней — это буквально свежемороженая скумбрия?

Артём замер с полуоткрытым ртом. Вика, тяжело дыша, медленно повернула голову в сторону бунтаря.

— Ты про кого это? Про меня? — процедил Артём, краснея от обиды.

— Про тебя, радость моя, — Рёма уже шагал навстречу, вскинув руки в притворном ужасе. — Вика тут выдаёт целую симфонию истерики — очень аутентично для неё, кстати, — а ты стоишь рядом с таким лицом, будто вспоминаешь, выключил ли дома утюг. Рядом с такой...

Он выразительно обвёл Вику взглядом,

— Амплитудной особой ты выглядишь как мёртвая рыба. Никакого контраста. Сплошное уныние и разочарование. Без обид, брат.

— А ты, я смотрю, в эксперты подался? — Вика скрестила руки на груди.

— Я эксперт по выявлению фальши, Воскресенская. А ты сейчас — одна сплошная фальшь в этом абсурде.

Рёма бесцеремонно подошел к Артёму и, приложив ладонь к его груди, просто отодвинул его в сторону.

— Пойди, покури, Тёма. Я сейчас покажу, как надо.

Таисия подалась вперед, её глаза за стёклами очков азартно сузились.

— Я хочу спасти ваши нервы, Таисия Юрьевна, — уважительно пояснил он, оборачиваясь к Вике. — Ну что, «душа нараспашку»? Попробуем заново. Только постарайся не просто орать, а попасть в ноты общего настроения сцены. Если ты вообще знаешь, что это такое.

Вика рванула к нему, её голос дрожал от ярости:

— Мои «ноты» тебе не по зубам, нарцисс недоделанный! Что ты смыслишь в боли? Ты же сделан сплошь из сарказма!

Рёма резко сократил дистанцию. Он не просто вошёл в её пространство — он его захватил.

— Боль? Ты называешь это болью? — он рассмеялся ей в лицо, и этот смех был обидным. — Ты просто маленькая девочка, которой не купили куклу, и теперь ты с досады бьёшь посуду. В сценарии сказано: «Она смотрит на него со скорбью». Давай же, Воскресенская. Покажи мне скорбь, а не каприз первоклассницы.

Он схватил её за плечи, и по залу пронёсся тихий вдох — это не было похоже на репетицию. В воздухе буквально затрещало статическое электричество.

— Пусти, — прошипела Вика, пытаясь вырваться, но он держал крепко.

— Чтобы ты убежала рыдать в уголке уже по-настоящему? Нет. Смотри на меня. Ты же хотела правды? Вот она: ты ненавидишь меня, потому что я единственный, кто видит тебя насквозь. Твой талант — это просто красиво упакованное желание быть замеченной.

Вика замахнулась для удара — снова не по сценарию — но Рёма перехватил её руку в воздухе. В этот раз он был готов. Парень дернул её на себя так резко, что она врезалась в его грудь. Его лицо оказалось в миллиметрах от её.

— В сценарии нет этой строчки, — яростно выдохнула она, глядя ему в глаза.

— В сценарии много чего нет, — его голос понизился до хищного шёпота. — Например того, как сильно ты хочешь, чтобы я продолжал тебя провоцировать.

Другие актёры за кулисами переглянулись — это была уже не пьеса. Это была дуэль, где каждый участник отчаянно пытался выжить. Таисия вскочила с места, её лицо горело восторгом. Она видела то, что искала годами — первобытный, неуправляемый магнетизм.

— Довольно! — выкрикнула женщина, и её голос эхом разнёсся под куполом. — Стоп! Тишина!

Рёма медленно разжал пальцы, не сводя глаз с Вики. Та тяжело дышала, её щеки пылали невесть от чего. Она и сама не могла понять. Но что-то в этом балагане задело струны её души.

— Я меняю состав, — решительно отрезала Таисия. — Артём, ты идёшь на второй план. Занимаешь роль Ромы. Ксюша...

— Что?! — Ксюша, до этого стоявшая бледной тенью у рампы, выбежала в центр. — Таисия Юрьевна, это абсурд! Я — главная героиня! Зрители идут, чтобы смотреть на меня! Я эстетична, я... я всегда идеально смотрюсь на сцене! А она? Посмотрите на неё — она же растрепанная, злая, громкая!

— Ты прекрасно смотришься, Ксюша. Как антикварная ваза, — подал голос Рёма, даже не повернувшись к ней. — Но ваза не может вызвать пожар. Таисия Юрьевна права.

— Рёма и Вика — главные герои, — непреклонно повторила Таисия, утверждая своё решение без права на пересмотр. — Это не обсуждается. Ксюша, либо ты берешь роль неравнодушной подружки, либо...

Ксюша задохнулась от возмущения, глядя на Рёму, но тот продолжал смотреть на Вику с той самой кривой усмешкой, в которой теперь читалось не только презрение, но и вызов.

— Ну что, напарница? — процедил он. — Посмотрим, у кого из нас раньше сдаст терпение.

ГЛАВА VIII

За тяжёлыми бархатными портьерами, в узком проходе между стеллажами с реквизитом, воздух казался густым и горячим от напряжения. Ксюша рыдала навзрыд, размазывая дорогую тушь по покрасневшим щекам. Её плечи вздрагивали так сильно, что нитка жемчуга на шее тихо постукивала.

— Ты унизил меня, Рома! При всех! — она толкнула его в грудь, но он даже не шелохнулся. — «Антикварная ваза»? Ты позволил ей выбрать... эту замарашку с вечным нервным тиком?!

— Ксюш, ну посмотри на меня, — Рёма перехватил её запястья, прижимая их к стене.

Его голос вибрировал от вкрадчивой, опасной нежности. Он говорил без искренности, но убедительно. Лишь бы она перестала устраивать сцены.

— Это же просто стратегия. Таисия помешана на драме, я просто дал ей то, что она хотела, чтобы проект не загнулся. Ты — королева этой сцены. Ты идеальна. А Вика... это просто инструмент. Расходный материал. Ты же не ревнуешь скрипача к его канифоли? Ну? Ксюш?

Он зажал её в углу между собой и пыльным реквизитом, напирая всем телом. Ксюша всхлипнула, но уже тише, глядя на него сквозь мокрые ресницы.

— Ты правда так думаешь? — прошептала она. — Что она просто инструмент?

— Она — ошибка, которую я вынужден исправлять своим присутствием, — Рёма накрыл её губы коротким, властным поцелуем, не давая опомниться. — Ты лучшая. Единственная, на кого здесь стоит смотреть.

Его руки бесцеремонно скользнули вниз, притягивая её бедра вплотную к себе. Ксюша застонала, растворяясь под его напором. Рёма был заведён — ярость на сцене и конфликт с Викой выплеснулись в тёмную, агрессивную страсть. Свою красоту он осознавал. Считал своим главным козырем. И потому был уверен, что успокоит Ксюшу быстрее, чем она успеет опомниться, сгорая от его напора. Он начал жадно расстегивать её блузку, всё более требовательно вжимаясь в неё в тесном, полутёмном пространстве. Внезапно тяжёлая портьера колыхнулась. Вика зашла в закуток, заваленный бутафорскими мечами, надеясь найти там хоть каплю тишины после всего, что случилось. Но замерла, увидев переплетённые в страсти тела.

Рёма оторвался от шеи Ксюши. Его лицо было искажено гневом, глаза потемнели от возбуждения, которое в секунду обернулось в ярость на возникшую помеху.

— Какого чёрта ты тут забыла?! — рявкнул он так, что Вика отшатнулась, ударившись спиной о стойку. — У тебя что, датчики движения атрофировались? Пошла вон отсюда! Исчезни!

Вика стояла бледная, глядя на его расстёгнутую рубашку и торжествующую, хоть и заплаканную Ксюшу. Она не произнесла ни слова. Лишь на мгновение её взгляд встретился с его — и в этом взгляде было столько колючего разочарования, что Рёму будто ударило током.

Она резко развернулась и почти бегом скрылась из поля его зрения. В закутке вновь повисла тишина. Но на этот раз уже не настолько располагающая к продолжению. Рёма тяжело дышал, глядя в пустоту, где только что стояла Вика. Весь его пыл мгновенно испарился, сменившись каким-то липким, тяжёлым раздражением.

— Ром... — Ксюша робко коснулась его плеча. — Продолжим? Она ушла.

Он медленно убрал её руку. Драйв исчез. Ему вдруг стало невыносимо тесно в этом углу.

— Не сейчас, Ксюш. Она сбила весь настрой своим похоронным видом, — он начал застёгивать пуговицы, избегая взгляда девушки.

Но Ксюша, вопреки его ожиданиям, не обиделась. Напротив, она мягко подошла со спины и обняла его, прижимаясь щекой к лопаткам. Она слышала, с какой неприкрытой ненавистью он кричал на Вику. Для неё это было лучшим доказательством его верности.

— Ничего страшного, Ромео, — промурлыкала она. — Я вижу, как она тебя бесит. Ты молодец, что поставил её на место. Она ведь ничтожество по сравнению с нами, правда?

Рёма ничего не ответил. Он смотрел на свои руки, которые всё еще немного дрожали, и никак не мог понять: почему внутри него сейчас так пусто, если он только что получил всё, что хотел? Ему нравился сам факт страдания ненавистной Вики. Но что-то с этим отказывалось вязаться напрочь.

Холодный питерский ветер моментально выдул из лёгких воспоминания о назойливой театральной пыли. Рёма и Ксюша вышли на крыльцо Александринки. Рядом с эффектной Ксюшей в её бежевом плаще, Рёма выглядел как рок-звезда, заглянувшая на светский раут, — руки в карманах, модная косуха, взгляд участливо сканирует пространство.

— Подожди минуту, Ксю. Я сейчас, — бросил он, отходя к колонне с гаджетом в руке.

Ксюша едва ли что-то слышала. Только спокойствие его голоса. Будто каждое слово парень очень тщательно подбирал, общаясь с кем-то по ту сторону телефона. Он вернулся к Ксюше спустя минуту, убирая айфон в карман куртки.

— Слушай, — парень притянул блондинку к себе за талию. — Дело тут такое... Квартира сейчас — зона отчуждения. Рабочие задерживаются. Небольшой косметический ремонт. Уйдут поздно. Ты там даже туфли не поставишь, не то что не расслабишься. Много грязи.

Ксюша разочарованно вздохнула, но аргумент про «рабочих» и хаос подействовал безотказно — её эстетическая натура не вынесла бы такого соседства.

— Опять? — она капризно надула губы. — Ром, мне надоело чувствовать себя кочевницей.

— Именно поэтому я сейчас забронировал люкс в «Гранд Отеле», — он крутанул экран телефона перед её носом. — Там будет ванна с лепестками роз, тишина и лучший сервис. Это лучше, чем перешагивать через банки с краской, не находишь?

Ксюша хмыкнула, поправляя рукава.

— В очередной раз будем по отелям обжиматься... Ладно. Хоть выплусь на нормальных простынях.

Пока приложение искало машину, мимо них, по освещённому тротуару, медленно побрела фигура в том самом нелепом розовом шарфе и мешковатой куртке-шерпе. Вика шла, ссутулившись от ветра, прижимая телефон к уху плечом и на ходу поправляя тяжёлую сумку с учебниками.

— Да, мам, всё хорошо... Да, репетиция прошла... бурно. Таисия Юрьевна дала мне главную роль, представляешь? — голос Вики доносился обрывками. — Нет, я не голодная. Катюшка? Она скучает по тебе. Да-да, я оставила ей достаточно еды... Ладно, мамуль. Я побегу. Надо бы на автобус ещё успеть. А то потом не дождёшься. Целую!

Рёма, услышав это, непроизвольно прыснул.

— Катюшка? — прыснул он, качая головой. — Она серьёзно назвала животное человеческим именем? Господи, какой архаизм. Она ещё, наверное, ей сказки на ночь читает.

— Я же говорю — деревня, — фыркнула Ксюша, даже не удостоив Вику взглядом. — Идём, машина подъезжает.

Водитель чёрного «Мерседеса» притормозил у бордюра. Рёма открыл дверь перед Ксюшей, но прежде чем сесть следом самому, на секунду задержался. Он смотрел в спину удаляющейся Вике. Среди пафоса вечернего Петербурга, среди их с Ксюшей отелей и дорогих духов, эта девчонка, обсуждающая собачку с мамой, выглядела чем-то пугающе... настоящим. В его логической цепочке возникла странная погрешность: почему эта «простота» заставила его раздражаться только сильнее?

— Рома, ты идёшь? — окликнула его Ксюша.

— Да, — он тряхнул головой и нырнул в идеально чистый салон машины. — Просто проверял, не забыл ли я ключи. Которые мне сегодня всё равно не понадобятся.

Номер «Гранд Отеля» встретил их стерильной роскошью: высокими потолками, тяжёлыми гардинами цвета античного золота и запахом дорогого диффузора. Рёма бросил ключи на мраморную консоль, и этот металлический лязг показался ему неестественно громким. Обычно он чувствовал себя здесь в своей тарелке. В своей обычной среде он был фанатичным любителем хруста свежих простыней и всего самого лучшего. Никогда не стеснялся посвящать окружающих в то, что он может себе это позволить с лёгкостью, пока другие об этом могли только мечтать и наблюдать в ТикТоке. Но сегодня что-то «фонило». Каждый раз, когда он смотрел на позолоченную лепнину, перед глазами всплывал тот самый театральный скандал.

— Ром, ты какой-то странный, — Ксюша уже скинула туфли и теперь ловко возилась с панелью управления, приглушая свет до интимного медового оттенка. — Даже для тебя это перебор.

— Устал. Слишком много человеческого фактора за один день, — бросил он, раскрывая пакет из алко-маркета.

Он разлил по бокалам виски — без льда, чтобы обжигало сильнее. Первый глоток дался трудно, а к середине второго джазовый мотив, льющийся из умных колонок, перестал казаться

раздражающим шумом. Алкоголь начал растворять ту колючую занозу, которую оставила в нём Вика.

— Иди ко мне, — прошептала Ксюша.

Она демонстративно избавилась от платья, оставшись в одном кружевном белье. Такое Вика бы себе вряд ли смогла позволить. Ксюша была идеальна: каждая линия, каждый изгиб — результат работы косметологов, тренеров и хорошей генетики. Рёма опустил на край огромной кровати, и девушка тут же перебралась к нему на колени, обвинив его шею руками.

— Забудь про театр. Забудь про семейные проблемы, — она начала медленно покрывать его шею поцелуями, опускаясь к ключицам. — Сейчас есть только этот номер и я. Тебе же нравится, когда всё... эстетично?

— Ты — вершина эстетики, — Рёма прикрыл глаза, чувствуя, как тепло от виски разливается по венам, возвращая ему привычную уверенность.

Он обхватил её за талию, притягивая ближе.

— В этом мире слишком мало совершенства, чтобы я мог позволить себе игнорировать тебя.

— Вот таким ты мне нравишься больше, — она игриво прикусила мочку его уха. — Твой сарказм иногда так заводит, что хочется его... заглушить.

Она потянулась за поцелуем, и в этот раз Рёма ответил ей с той самой животной нетерпеливостью, к которой она привыкла. Он старался не думать о том, что ещё час назад его руки дрожали от ярости в сторону другой девушки. Он убеждал себя, что эта роскошь, эта предсказуемая красота Ксюши — и есть его реальность. А остальное — просто потрёпанная мишура, что не стоит его внимания.

— Рома... — выдохнула она, расстёгивая ремень на его джинсах. — Пообещай, что завтра на репетиции ты будешь смотреть на неё так же, как сегодня.

Рёма на секунду замер, его пальцы впились в её бедра чуть сильнее прежнего.

— Не порти момент. Мы же договорились: она — ошибка. А ошибки не обсуждают в постели. Их просто... устраняют.

Он повалил её на подушки, стараясь полностью утонуть в звуках джаза и в самой Ксюше. Азиат овладевал ею так же, как делал всё остальное в жизни: с холодным расчётом, переходящим в механическую одержимость. В этом не было трепета, только чистая эстетика и выверенные алгоритмы удовольствия. Он вжимал её в дорогие простыни, любясь тем, как медовый свет ламп ложится на её безупречную кожу, превращая её тело в ожившее полотно великого творца искусства. Ксюша была идеальным визуальным стимулом. Её тихие вздохи, изгиб спины, то, как она откидывала голову, подставляя шею, — всё это подстегивало его инстинкты, заставляя кровь пульсировать в висках. Он двигался в такт джазовому ритму, всё ещё звучащему где-то на периферии сознания, превращая близость в акт обладания чем-то прекрасным и дорогим. Это была страсть хищника, заполучившего лучший трофей в лесу, но в этой страсти не было места для души. Только физика, трение и яркие вспышки за закрытыми веками. Под конец Рёма вошёл в привычный для себя быстрый ритм, желая получить то, ради чего он

изначально добивался внимания Ксюши. Когда всё закончилось, тишина номера стала почти осязаемой. Рёма сидел на краю гигантской постели, спиной к девушке. В тусклом свете его фигура казалась идеальным творением именитой мангаки. Он медленно, с каким-то механическим спокойствием снял презерватив, завязал его узлом и точным броском кинул в корзину для мусора. Слышалось только мерное, уже затихающее дыхание партнёрши — Ксюша, измотанная эмоциональными качелями дня и алкоголем, начала медленно погружаться в сон. Он обернулся и посмотрел на неё через плечо. Она лежала, разметав светлые волосы по подушке, полуприкрытая шёлковой простыней. Объективно — венец творения. Любой другой мужчина на его месте сейчас испытывал бы прилив нежности, желание прижаться к этому телу и уснуть, загребая в охапку. Рёма же не чувствовал ничего. Абсолютный ноль, возведённый в квадрат. Его «посткоитальная депрессия» приняла форму холодного отчуждения. Это тело, которое минуту назад казалось пределом его желаний, теперь было просто телом. Красивым, качественным, но совершенно посторонним. В голове предательски запульсировала мысль:

«Зачем я здесь? Я мог бы сейчас сидеть дома, лежать в своей комнате. Поработать парочку лишних часов».

Ему вдруг стало невыносимо тесно в этом люксе. Роскошь, за которую он заплатил, казалась дешёвой декорацией. Он смотрел на Ксюшу и понимал, что не хочет просыпаться с ней в одной постели, не хочет завтракать в отдельном ресторане и слушать её щебет о том, как «хорошо было ночью». Он встал и бесшумно направился в душ, смывать с себя запах её духов и ту странную пустоту, которая, вопреки всей логике, пугала его больше, чем что-либо.

ГЛАВА IX

Офис в половине двенадцатого ночи напоминал декорацию к фильму о заброшенной цивилизации. Единственным источником жизни было холодное сияние экрана ноутбука Такеру. Он работал методично, выверяя каждую цифру, словно в этом и заключался смысл его существования. Наконец, последний файл был отправлен почтой в родную Японию, и Такеру с сухим щелчком закрыл крышку. Он начал собираться — медленно, почти ритуально. Каждая ручка вошла в свой паз, стопки бумаг сравнялись край к краю. Надевая плащ, он застегнул все пуговицы, проверяя симметрию в отражении тёмного окна. Город постепенно погружался в забытие, оставляя мерцать лишь редкие островки ночной жизни скромным маячком, за который периодически цеплялся его взгляд. Когда он нажал на переключатель, офис не просто погрузился во тьму — он исчез. Мрак, воцарившийся в коридорах был густым и физически ощутимым. В Японии говорят, что у каждого места есть своя душа, но этот ночной офис казался Такеру выпотрошенным, совершенно бездушным. Пустота, которую он так успешно гнал от себя днём, заполняя часы графиками и совещаниями, теперь настигла его, холодная и колючая. В этом безмолвном пространстве он вдруг остро почувствовал себя чужаком: и в этом городе, и в этой жизни. Вспомнил дедов дом. Но с ужасом признал, что позабыл какого цвета были занавески. Самая видная деталь интерьера, которую он обходил немеренное количество раз. Просто взял и забыл.

Его автомобиль плавно скользил по ночному Петербургу. Город отбросил от себя последние отголоски суеты, наконец затихнув под тяжёлым ночным небом. Глядя на проплывающие мимо жёлтые огни фонарей, Такеру думал о том, что он — будто один из них. Светит ровно, но вокруг него лишь холодный туман. Он вспомнил лицо Ольги, когда она уходила. В её жизни, при всей её хаотичности и проблемах, был смысл, который пульсировал, как живое сердце. У него же осталась только безупречная форма. Дома его встретил аромат чистоты и негромкий плеск воды. Когда он вошёл, Йоко как раз выходила из кухни, вытирая руки полотенцем. Она выглядела уставшей, но её лицо сохранило ту мягкость, которая была единственным якорем для Такеру в этой стране. Он испытывал к ней безграничное уважение. Но только как к коллеге.

— Вы поздно, Онда-сан, — негромко сказала она, кланяясь. — Шохей уснул два часа назад. Он спрашивал о вас. Я сказала, что вы спасаете мир.

Такеру едва заметно усмехнулся, переобуваясь.

— Скорее, я пытаюсь не дать миру разрушить меня. Спасибо, что дождалась. Посуда... ты могла бы просто оставить её.

— Порядок в доме — порядок в мыслях, — ответила она, проходя мимо. — Ваш чай в термосе. Отдыхайте.

Такеру остался стоять в прихожей. Пустота в груди никуда не делась, но присутствие Йоко и знание того, что за стеной спит его сын, немного притупили её остроту. Он проводил свою помощницу и прошёл на кухню. Привычным движением руки налил себе чая и долго смотрел в тёмное окно, за которым спал огромный, укрытый шалью вечной тайны город.

Японец медленно цедил обжигающий чай, обернувшись на закрытую дверь, за которой недавно скрылась Кондо. В тишине кухни её присутствие всё ещё ощущалось как тонкий аро-

мат благовоний — ненавязчивый, но заполняющий всё пространство. Он знал. Знал так же чётко, как читал финансовые отчёты, что за этой безупречной преданностью и поклонами скрывается нечто большее, чем просто верность личного секретаря семьи Онда. Йоко была идеальной кандидатурой для того, что в их кругах называли «деловым браком». Она знала протокол, уважала его систему, понимала язык его молчания и, что важнее всего, заботилась о Шохее. Для любого другого мужчины её статуса это было бы благословением. Йоко и сама это понимала, каждый день выстраивая вокруг него кокон из комфорта и предсказуемости, надеясь, что однажды эта тихая лояльность станет фундаментом для их общего дома. Такеру вспомнил, как месяц назад она предложила взять на себя готовку обедов. Он отказал. Вежливо, но настойчиво. Ведь прекрасно понимал: стоит ему всего один раз принять из её рук домашний суп мисо, как невидимая граница вмиг будет стёрта. Для Йоко это стало бы сигналом, искрой, из которой она раздула бы пламя надежды, претендуя на статус жены всё более настойчиво изо дня в день, выматывая его морально и физически. Он не мог позволить ей «заряжаться» этим ожиданием. Это было бы жестоко — давать надежду там, где сердце оставалось глухим. Такеру глубоко уважал её. Уважал за то, что она, бросив куда более заманчивые перспективы от его коллег, поехала за ним в этот холодный город, за её терпение и такт. Но когда он закрывал глаза и пытался представить своё будущее, рядом с ним не было этой тихой, правильной тени. Йоко была частью его прошлого, его обязательств, его «японского кокона». А его душа, израненная и опустошенная, почему-то искала чего-то другого — возможно, того самого «цвета радуги», который он мельком увидел в глазах уставшей русской женщины, бегущей под дождём.

«Ты слишком благородна для того, чтобы я обманывал тебя удобным браком, Йоко-сан», — подумал он, ставя чашку на стол.

Он чувствовал себя виноватым за то, что пользуется её преданностью, не давая ничего взамен, кроме официальной вежливости. Но играть в семью ради приличия Такеру не мог. Пустота внутри него была слишком огромной, чтобы заполнить её лишь правильными поступками и удобным союзом. Он выключил свет на кухне и направился в душ. Проходя мимо комнаты сына, Онда на мгновение остановился. Йоко была бы прекрасной матерью для продолжения его рода, но она никогда не стала бы для Такеру той, ради кого хочется сорваться с места и выйти под дождь без зонта. Как и всегда по привычке японец метнул взгляд в сторону сиротливо стоящей пары тапочек и испустил тяжёлый выдох, скрываясь за дверью ванной комнаты.

Новый день начался не с тишины японского минимализма, а с бодрого лепета Шохея и навязчивой детской мелодии из планшета. Мальчик, уже полностью одетый, прыгал на кровати отца, пока Такеру, стоя перед зеркалом, пытался сосредоточиться на выборе галстука.

— Папа, а если бы Гоку встретил Наруто, он бы победил его сразу? — Шохей размахивал пластмассовым мечом, едва не задевая безупречно отпаренные брюки отца. — Или Наруто использовал бы технику клонирования и запутал его?

Такеру, придерживая подбородком край шёлковой ленты, мягко улыбнулся сыну через зеркало. Обычное утро. Здоровый и полный энергии сын. Этого было вполне достаточно, чтобы сердце Такеру было на своём месте. И тогда всё было на своих местах.

— Думаю, Шохей, они бы сначала поговорили. Настоящие герои не начинают с драки. Но Гоку, пожалуй, физически сильнее.

— А я думаю, Наруто хитрее! — Шохей спрыгнул на пол и обхватил ногу отца. — Папа, поиграй со мной в «ниндзя»! Всего пять минут!

Такеру аккуратно отстранил сына, присел перед ним на корточки и поправил ему воротничок формы.

— Шохей, мне нужно на работу. Но если ты сегодня будешь стараться в школе так же сильно, как Наруто на тренировках, вечером мы обязательно устроим «битву титанов» подушками. Договорились?

— Договорились! Ты только не опаздывай! — Шохей лучезарно улыбнулся и умчался в гостиную с планшетом, откуда тут же донеслись звуки взрывов из мультика.

Такеру вымученно улыбнулся, поднялся и снова повернулся к зеркалу. Его взгляд упал на открытый шкаф. Обычно он просто брал первый же чистый костюм, но сегодня... сегодня его рука замерла над тёмно-синим пиджаком с едва заметным отливом. Он приложил к нему нежно-голубую рубашку, затем сменил её на белую с французскими манжетами. Онда поймал себя на том, что уже пять минут выбирает запонки. Внезапная мысль уколола его, заставив пальцы дрогнуть.

«Что я делаю?» — пронеслось в голове.

Он рассматривал свой профиль, поправлял и без того идеальную укладку и выбирал парфюм с особой тщательностью, будто сегодня был не обычный рабочий день в офисе, а нечто... иное. Чувство, похожее на стыд, навязчиво оттянуло где-то в районе груди и ухнуло. Такеру Онда, человек, для которого одежда всегда была лишь функциональной бронёй, сейчас вёл себя как юнец перед первым свиданием.

«Для кого ты так стараешься, Такеру?» — спросил он себя, и перед глазами невольно всплыл образ Ольги — её взмокшие от дождя волосы и тот колючий, но живой взгляд, который он так отчаянно хотел снова поймать на себе.

Резко захлопнув шкапулку с запонками, он выбрал самые простые. Но пиджак менять не стал.

— Папа, ты скоро? — крикнул Шохей из коридора.

— Иду, Шохей, — отозвался Такеру, в последний раз взглянув на своё отражение.

Особенно фанатично он проверял теперь гладкость своей кожи на лице, предварительно ощупывая её под разными ракурсами. Он всё ещё стыдился своего поведения, но на губах вопреки воли заиграла та самая хитрая, почти незаметная улыбка.

Утро в офисе началось с сюрреалистичной картины. Ольга, едва успевшая снять плащ, замерла с сумкой в руках: в центре опенспейса стоял Такеру. Он снял пиджак, оставшись в безупречно белой рубашке с закатанными рукавами, и под энергичный ритм японского радиогимна заставил полусонных сотрудников выстроиться в шеренги.

— Руки выше, активнее! — командовал он, и в его голосе было столько бодрости, что даже старый принтер на фоне, казалось, начал печатать быстрее. — Доброе утро, Ольга. Не стойте и скорее присоединяйтесь.

Ольга механически повторяла наклоны, во все глаза глядя на босса. Рядом стоящая Наташа откровенно не понимала, что они делают. Он двигался с грацией атлета, заряжая энергией всех вокруг. Закончив упражнение, Такеру обвёл всех взглядом, задержавшись на Ольге ровно на секунду дольше, чем на остальных, но не проронив ни слова лично ей.

— Помните: движение — это жизнь. И не забывайте пить достаточно воды, — бросил он напоследок и скрылся в кабинете, оставив коллектив в состоянии лёгкого когнитивного диссонанса.

Время сегодня неслось, подобно неугомонному мерину. Слишком быстро. Весь оставшийся час до обеда Ольга чувствовала себя странно. Его игнор навёл на нехорошие мысли. Даже ни разу не цепился. Не напомнил про отчётность. Но когда наступил перерыв и офис начал пустеть, Такеру снова появился «из ниоткуда». Он стоял у окна, окутанный едва уловимым ароматом своего утреннего парфюма, и, судя по всему, уже успел вернуться с перекура.

— Ольга, — позвал он, когда его подчинённая потянулась за своей чашкой.

Она обернулась. Такеру выглядел как модель с обложки делового журнала: тёмно-синий пиджак идеально сидел на его широких плечах, а белоснежная рубашка подчёркивала холодный блеск его тёмных глаз.

— Как я выгляжу сегодня? — спросил он, глядя на неё в упор. — Ваше женское мнение.

Ольга растерялась. Она ожидала, что начальник сейчас же потребует отчёт без прелюдий, но не этого. Романенко невольно скользнула взглядом по его фигуре, замечая и тонкий вкус в выборе галстука, и те самые запонки.

— Вы... выглядите безупречно, — выдохнула она, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Со вкусом. Очень... представительно.

Такеру едва заметно кивнул, словно её одобрение было той самой деталью, которой ему не доставало.

— Благодарю. Сегодня у меня важная встреча с представителями «Северного Альянса». Их глава, господин Врулин, человек, как мне сказали... специфический. Любит размах, но ценит детали.

Он подошёл чуть ближе, и Ольга почувствовала обволакивающее, странное для такого человека тепло.

— Скажите как эксперт по русской душе, — он чуть склонил голову. — Что бы вы посоветовали надеть или изменить в моём образе, чтобы произвести на него правильное впечатление? Не хочу «упасть лицом в грязь», как говорят у вас. Мне нужно, чтобы он увидел во мне не просто японского функционера, а партнёра, который понимает ваш стиль жизни.

Ольга замялась, глядя на его идеальный лацкан.

— На самом деле... вы уже выглядите именно так. Может быть... чуть меньше формальности? Русские партнёры любят, когда за костюмом виден человек. Ваш тёмно-синий — это

отличный выбор. Он внушает доверие. Но, возможно, стоит расстегнуть верхнюю пуговицу рубашки, когда начнётся неформальная часть? Это покажет, что вы готовы к открытому диалогу.

Такеру сузил глаза.

— «Виден человек»... — повторил он задумчиво. — Вы считаете, за моим костюмом его не видно?

Такеру сделал шаг вперёд, сокращая дистанцию до опасной близости. Его взгляд, обычно холодный и расчётливый, сейчас казался абсолютно нечитаемым.

— Значит, расстегнуть пуговицу? — переспросил он, и его голос опустился на октаву ниже. — Покажите, Ольга. Как именно «русский партнёр» должен увидеть во мне человека?

Ольга, застигнутая врасплох этой внезапной переменой настроения начальника и его близостью, почувствовала, как мозг окончательно отключается, уступая место давно забытым чувствам. Она потянулась к его воротнику, намереваясь лишь указать на пуговицу, но пальцы, предательски дрогнув, коснулись тёплой кожи шеи японца.

— Ну, вот так... — пролепетала она, едва касаясь галстука. — Чтобы не слишком туго... чтобы дышалось легче. А то вы всегда такой... застёгнутый. Хочется же иногда сорвать всё это... то есть, я имею в виду, ослабить хватку!

В этот момент Такеру, поддавшись странному импульсу, перехватил её запястье. Его ладонь была горячеей.

— Сорвать всё? Вы находите мой стиль слишком... сдерживающим, Ольга?

Они замерли. Её рука у его горла, его рука на её запястье. Воздух в офисе, казалось, заискрил.

— Ой! — раздался звонкий голос Наташи, замершей в дверном проёме с недоеденным пирожком. — Простите, я, кажется, не вовремя? У вас тут... мастер-класс по «модному приговору»?

Ольга и Такеру отскочили друг от друга так резко, будто их ударило током. Лицо Ольги мгновенно приобрело цвет спелого томата, а Такеру начал с преувеличенным вниманием поправлять манжеты, хотя в его глазах всё ещё плясали бесята.

— Наташа! Это не то, что ты подумала! — затараторила Ольга, размахивая руками. — Мы просто... мы обсуждали глубину!

— Глубину чего? — Наташа едва сдерживала смехок, переводя взгляд с пунцовой подруги на подчёркнуто невозмутимого японца. — Декольте или..?

— Глубину партнёрства! — выпалила Ольга, и тут же поняла, что сказала. — То есть, нет! Я просто хотела сказать, что наш босс очень жёсткий... в переговорах! И мне нужно было потрогать... его костюм! Подсказать, как визуально будет лучше в цельном образе, понимаешь? Я всегда предпочитаю сначала потрогать, прежде чем давать... советы...

Наташа прыснула в кулак, а Такеру издал странный звук, подозрительно похожий на подавленный смешок. Оля в их глазах выглядела мило, пока искала попытки оправдаться за внезапно разлаженную «систему» внутри себя. Такой она ему больше нравилась. Живой.

— Оля, остановись, — сквозь смех выдавила Наташа. — «Потрогать...» — это уже тянет на служебный роман в трёх томах с картинками.

— Да нет же! — Ольга окончательно запуталась в попытках объяснить неуёмной коллеге. — Я имела в виду, что когда он... Босс! Такой... напряжённый и стоит передо мной во всём своём блеске, мне трудно сосредоточиться на работе. Хочется просто взять и... довести дело до конца! С отчётом!

Такеру наконец не выдержал. Он коротко и сухо рассмеялся, блеснув глазами.

— Я ценю вашу страсть к доведению дел «до конца», Ольга. Но, боюсь, господин Врулин может не оценить такой напор при первой встрече. Кстати, я всё ещё жду отчёт. Заходите. Не стесняйтесь.

Проходя мимо застывшей Ольги, он едва слышно шепнул:

— О пуговице я подумаю. Покажете, как это будет лучше сделать.

Он удалился к себе, оставив Ольгу сползать по стене под оглушительный хохот Наташи.

— Оля... — Наташа с усердием утирала слёзы смеха. — «Глубина партнёрства»? Серьёзно? Ты теперь либо бессмертная, либо его личная гейша. Выбирай быстрее, пока он не передумал пуговицу расстёгивать!

Сначала Романенко разозлилась на Наташу, схватив со стола первую попавшуюся папку. Даже замахнулась на коллегу, но завидев, как заразительно та погружается в хохот по новой, сама не выдержала, начиная смеяться, прикрываясь той самой папкой.

Момент икс настал. Ольга замерла перед дверью кабинета Такеру, несколько раз глубоко вдохнув, прежде чем решиться постучать. После его одобрения, она нажала на ручку. Ладони слегка увлажнились от испарины, а в ушах всё ещё звенел хохот Наташи и собственное нелепое оправдание про «глубину партнёрства». Когда она вошла, атмосфера в кабинете показалась ей слишком напряжённой. Такеру восседал, словно император, в своём массивном кожаном кресле, откинувшись на спинку непривычно вальяжно. Пиджак был небрежно перекинут через подлокотник гостевого стула, где ей предстояло сидеть. Без него японец казался менее «официальным», но куда более непредсказуемым. Он мерно щёлкал дорогой ручкой — клик-клик-клик — и этот звук попадал в такт пульсу Ольги. Его взгляд, сканирующий и пугающе внимательный, мгновенно приковал её к месту. В нём больше не было арктического льда — скорее, тот самый «холодный азарт», о котором она боялась даже думать. Документы легли аккуратно прямо недалеко от него самого.

— Ваш отчёт... — начала она, но голос предательски дрогнул.

Только сейчас она краем глаза заметила Йоко, молча стоявшую возле стеллажа с документами. Безмолвная и прямая, как клинок. Присутствие помощницы подействовало на Ольгу как ушат холодной воды. Она мгновенно выпрямилась, чувствуя себя пойманной на чём-то

постыдном. Японка сверлила её взглядом. Такеру уловил эту перемену её настроения мгновенно. Он перестал щёлкать ручкой и, не сводя глаз с раскрасневшегося лица Романенко, небрежно бросил через плечо по-японски:

— Йоко, позвони в школу. Уточни у классной руководительницы день и время родительского собрания. Мы закончим здесь сами.

Йоко замерла на секунду — её профессиональная маска на мгновение дала трещину, отразив едва заметное удивление. Она коротко поклонилась, обдав Ольгу на выходе холодным, оценивающим взглядом, и бесшумно закрыла за собой дверь. Тишина, воцарившаяся в кабинете, стала оглушительной.

— Подойдите ближе, Ольга, — негромко произнёс Такеру.

Его голос звучал бархатисто, с той самой вкрадчивой интонацией, от которой у неё по спине поползли мурашки.

— Я не кусаюсь. По крайней мере, когда отчёты сданы вовремя.

Ольга подошла к столу, стараясь не смотреть на его воротник — ту самую верхнюю пуговицу он так и не расстегнул, будто специально дожидаясь её инициативы.

— Вот, здесь подробный анализ по каждому сотруднику, как вы и просили... — она указала пальцем на документацию, пытаясь перевести его внимание на рабочие моменты.

Такеру не спешил изучать отчёты. Вместо этого он положил ладонь поверх файла, накрывая палец Ольги, ещё не успевшей его убрать, своими. Его кожа была горячей.

— Сначала... расскажите мне основные тезисы, — он чуть подался вперёд, сокращая дистанцию. — Вы отлично умеете выпутываться из различных ситуаций. Дерзайте.

Ольга почувствовала, как в кабинете внезапно стало не хватать кислорода. Напряжение между ними, натянутое до предела ещё в коридоре, теперь вибрировало, превращая обычный рабочий момент в нечто совершенно иное. Она запнулась, чувствуя, как тепло его ладони передается её собственной руке. Романенко судорожно сглотнула и, стараясь придать голосу деловой тон, начала:

— Да, конечно. Если вкратце... наиболее выдающиеся показатели у технического отдела. Например, инженер Петров сократил время обработки чертежей на пятнадцать процентов, а отдел логистики под руководством...

Она говорила быстро, почти скороговоркой, уставившись в точку где-то над его правым плечом. Перечисляла фамилии, цифры, проценты, надеясь, что эта стена из сухих фактов защитит её от того странного магнетизма, что исходил от сидящего перед ней мужчины. Такеру слушал её ровно минуту. Его взгляд скользил по её лицу, подмечая, как дрожат её ресницы и как напряжена жилка на изящной шее. Он отложил ручку на край стола. Ему не нужны были цифры — он видел их в таблицах сотни раз. Ему была неинтересна «эффективность Петрова», когда прямо перед ним живой человек превращался в механический отчёт.

— Довольно, — перебил он.

Ольга осеклась на полуслове, так и не договорив про небольшие, но успехи специалистов. В кабинете снова повисла вязкая тишина. Такеру медленно убрал руку с файла и встал, обходя стол. Он не надел пиджак, и его белая рубашка в полумраке кабинета казалась ослепительной.

— Вы можете пересказать мне весь этот текст слово в слово, Ольга, и я признаю, что ваша память безупречна, — он остановился в шаге от неё, засунув руки в карманы брюк. — Я сам умею читать.

Он чуть склонил голову, заставляя её наконец встретиться с ним взглядом.

— Меня интересует другое. Мы работаем вместе уже пару дней. Я знаю о вас больше, чем вы только себе вообразить можете. О ваших трудностях, о вашей «колючей честности». Я видел вас разной. Но... — он сделал паузу, и его глаза сузились. — Почему вы ни разу не назвали меня по имени?

Ольга растерянно моргнула:

— Я погуглила, что у японцев нет отчества. По имени называть было бы слишком...

— «Слишком»?

— Вы мой руководитель, я не могу...

— Вы «выкаете» мне так усердно, словно пытаетесь выстроить между нами бетонную стену, — его голос стал сухим, почти обиженным. — Для вас я — просто функция? Безликий «господин директор» в дорогом костюме, у которого нужно проверять качество бритья?

Он подошёл ещё ближе, так что она почувствовала аромат его парфюма.

— На днях на улице я звал вас по имени. Вы не слышали. Но здесь, в этом кабинете, стены достаточно тонкие, чтобы слышать всё. Скажите... вам так страшно произнести моё имя? Или вы боитесь, что если назовёте меня по имени, я окончательно перестану быть для вас господствующей силой в этом душном офисе?

Ольга приоткрыла рот, но слова застряли в горле. Его имя казалось ей чем-то интимным, почти запретным, экзотическим плодом, который нельзя трогать. Она чувствовала, как под его немигающим взглядом земля уходит из-под ног. Вопрос Такеру был слишком личным, слишком «внесистемным». Она судорожно искала в голове хоть какую-то опору и вдруг, словно спасательный круг, вспомнила те крохи японской культуры, о которых шептались в офисе.

— Я... я не считаю вас безликим, — выдохнула она, отступая на полшага, чтобы хоть немного увеличить дистанцию. — Если вам так важно признание вашего... статуса...

Она запнулась, собираясь с духом, и, глядя ему прямо в переносицу, отчётливо произнесла:

— Я всё подготовила, Онда-сан.

Приставка «сан», сорвавшаяся с её губ с мягким русским акцентом, прозвучала в тишине кабинета почти торжественно. Такеру замер. На мгновение в его глазах промелькнуло нечто

похожее на искру подлинного уважения — она не просто подчинилась, она сделала шаг навстречу его культуре, признав его право на это маленькое отличие. Однако этого было мало. «Онда-сан» всё ещё было титулом, вежливым ярлыком, за которым она так искусно спряталась. Он ждал того самого «Такеру», что разрушило бы офисные стены и позволило бы им хоть немного сблизиться, но Ольга вновь выстроила баррикаду. Он коротко, сухо хмыкнул, и это было похоже на звук закрывающегося замка.

— «Онда-сан»... — медленно повторил он, будто пробуя её слова на вкус. — Что ж. Для начала — неплохо. По крайней мере, вы признали, что я существую вне ваших таблиц, чертежей и отчётов.

Такеру резко отвернулся и вернулся к столу, мгновенно принимая свой привычный, непроницаемый вид «жёсткого доминатора». Обаятельный мужчина с хитрым блеском в глазах исчез, оставив на своём месте главу филиала.

— Вы свободны, Ольга. Возвращайтесь к работе. И постарайтесь, чтобы ваша «страсть к доведению дел до конца» не мешала остальным сотрудникам.

Ольга, едва сдерживая дрожь в коленях, кивнула и почти выбежала из кабинета. Только оказавшись за дверью, она прислонилась к холодной стене, чувствуя, как бешено колотится сердце. Она назвала его так, как подобает в его стране, но почему-то ей казалось, что эта маленькая победа на деле таковою и не была.

ГЛАВА X

Прошедшая неделя в офисе «Ниппон-Нева» напоминала затяжную холодную войну. Такеру, уязвлённый тем, что Ольга предпочла спрятаться за вежливым «Онда-сан» вместо того, чтобы разрушить барьер, включил режим абсолютного профессионального деспотизма. Он заваливал её правками, требовал перепроверять уже готовые спецификации и вызывал «на ковёр» по самым ничтожным поводам. Его эго, возвращённое на японской дисциплине и мужской гордости, интерпретировало её осторожность как холодное отвержение.

«Она считает меня просто функцией? Что ж, я буду идеальной функцией», — думал он, чеканя каждое слово в её присутствии.

Но, всё же, за этой маской «доминатора» по-прежнему скрывался мужчина, который каждое утро ловил себя на том, что по десять минут выбирает подходящий к костюму галстук, гадая, заметит ли она его. К концу недели, вопреки собственным ожиданиям, ледяная броня Такеру начала давать трещины. Он понял, что его «наказание» обернулось против него самого: Ольга стала ещё более замкнутой, её плечи под серым пиджаком казались напряжёнными пуще прежнего, а взгляд — окончательно потухшим. В пятницу вечером, когда офис уже погрузился в сумерки, Такеру сидел в кабинете, отсутствующим взглядом уставившись в монитор. Он отправил Йоко домой час назад, но сам не уходил. Его рука сама собой потянулась к рабочему телефону, хотя никакой реальной причины вызывать Ольгу не было.

— Ольга, — на выдохе произнёс мужчина в динамик, и его голос против воли прозвучал не властно, а почти устало. — Зайдите. Нужно... уточнить одну деталь в документе.

Онда откинулся в кресле, слушая тишину. Внутри него бушевал конфликт: одна часть требовала продолжать гнуть свою линию, заставляя её признать его превосходство, а другая — та самая, что рассказывала сыну сказки о птице с радужными крыльями — просто хотела увидеть, как она поправляет выбившуюся прядь пшеничных волос, глядя на него. Когда дверь приоткрылась, Такеру почувствовал странный укол совести. Ольга стояла на пороге с блокнотом, готовая к очередному выговору и правкам, которые ей нужно будет внести. В её глазах не было ни капли желания идти наперекор. Только покорность.

— Вы что-то хотели, Онда-сан? — тихо спросила она. Такеру молчал несколько секунд, изучая её уставшее лицо.

Его собственный эгоизм внезапно показался ему мелким и никчёмным перед лицом этой настоящей, благородной женщины. Усталой женщины. Он понял, что больше не может и не хочет быть для неё «тираном».

— Хотел, — наконец выдохнул он, медленно вставая. — Я хотел спросить... почему вы до сих пор не ушли домой? Уже шесть. Ваше время вышло ещё полчаса назад. В такое время автобусы в ваш район ходят всё реже.

Это был первый вопрос за неделю, который не касался работы. Напряжение в кабинете мгновенно сменило полярность: из дисциплинарного оно стало тревожно-личным. Такеру замер, глядя на то, как Ольга судорожно сжимает свой блокнот. Его напускная строгость,

копившаяся всю неделю, рассыпалась в прах. Он вспомнил вчерашний день, когда, задержавшись у кофемашины, невольно стал свидетелем её телефонного разговора. Она стояла в пустом коридоре, прижавшись лбом к холодному стеклу, и её голос — обычно такой твёрдый — дрожал от бессилия.

«Ей нужен логопед, понимаешь? Специалист, а не просто занятия дома...» — пыталась донести основную мысль она в трубку.

А потом последовала долгая пауза, после которой Ольга лишь тихо произнесла:

«Она и твоя дочь тоже, Игорь. Пожалуйста...»

Такеру тогда не удержался и заглянул за угол. Он видел её лицо, когда она убирала в карман телефон — в нём было столько выжженной боли и обречённости, что у самого перехватило дыхание. Онда понял всё: и про бывшего мужа, который «упёрся рогами», и про отсутствие алиментов, и про то, почему она так цепляется именно за эту работу.

— Вы задерживаетесь из-за дочки? — прямо спросил он, отходя от стола. — Пытаетесь заработать на всё в одиночку, пока кое-кто считает, что его участие в жизни дочери — это опция, которую можно просто отключить?

Ольга вздрогнула, её глаза расширились от удивления.

— Вы... вы снова подслушивали? — её щеки вспыхнули от накатившего чувства тотальной униженности.

Для неё, такой гордой и закрытой, это было хуже любого выговора.

— Случайно, — Такеру сделал шаг к ней, и на этот раз в его движениях не было вальяжности доминатора. — Но теперь я понимаю, почему вы так упорно называете меня «Онда-сан». Вы привыкли, что мужчины — это исключительно зло.

Он подошёл почти вплотную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.